

The background of the cover is a detailed illustration of a man in 17th-century attire. He wears a large black hat with a white feather, a dark coat with a white lace collar, and a red cape. He has a mustache and goatee. A sword is tucked into his belt. He stands in a cobblestone street with a brick wall behind him. On the wall is a poster that says 'SE BUSCA' and 'DON ARCADIO' with a portrait of him. A small, scruffy dog with its mouth open is at his feet. In the background, there are old buildings and a church tower under a blue sky with clouds.

Дядь Микаэло Аркадио

**Бог
дураков**

книга
первая

Р. ЛЕВТЕРОВ

Ростислав Левгеров

Бог дураков

<https://litres.ru/74424608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Позвольте представиться — дон Аркадио, кабальеро де фортуна, к вашим услугам.

Я — маг. Прошу заметить: бессмертный маг, ибо отец мой Примигенио всемогущ, даром, что бог богов. До недавнего времени я обитал в пантеоне. Нет, излишествам всяческим не предавался, вел себя скромно, хотя и дурачеств было немало.

Казалось бы, кому интересна будет история баловня судьбы, сиречь бездельника? Ведь и предназначение мое звучит как издевка — бог хитрости и коварства, покровитель воров. Открою секрет, друзья: всё это — не более чем ширма, скрывающая тайны и пороки, способные посрамить самого царя тьмы.

Вот и мне ради спасения моего нерадивого братца Хуана поневоле пришлось опуститься на самое дно, в прямом и переносном смысле слова, и начать долгий и тернистый путь наверх со скамьи на галере, заклеянным и закованным в цепь рабом.

Содержание

Глава 1. Всё началось одним чудесным вечером...	4
Глава 2. Здравствуйте, я — Аркадио, бог... дураков	25
Глава 3. О дрянном городишко, весьма дрянном	43
Глава 4. Пища для демонов настоящих и воображаемых	60
Глава 5. «Три мертвых таракана» — это таверна	78
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ростислав Левгеров

Бог дураков

Глава 1. Всё началось одним чудесным вечером...

О да, чудесный вечер нынче! Щедро осыпанный золотом закатного солнца, игриво прячущегося за величественными скалами; охлажденный ветерком, что смущенно раскачивал вековые дубы в саду; опьяненный незабываемо чистым воздухом, что мог существовать только в этой благословенной древними мудрецами величественной выси...

С другой стороны, тут все вечера чудесные. Теплые, умиротворяющие, дурманные. И ночи тоже. Как позже выяснится, конкретно этот восхитительный вечер, что станет своеобразной точкой отсчета в моем повествовании, стал последним, за которым, увы, последовало долгое...

Но чу! Не будем раскрывать интригу раньше времени.

Так что нет, нет! Не умею я в лирику, хоть убейте. Профиль не тот. Да и ни к чему подобные экзерсисы в истории о плуте, мошеннике и пройдохе. Благородном пройдохе, прошу заметить.

Так что смело отмечаем!

Тогда с чего начать историю? Дайте-ка подумать... Вариантов, как мне представляется, три. Первое: с долгой подводки. Кто я, откуда взялся, где обитаю, что вообще происходит. С кучей имен, названий и так далее.

Не пойдет. Скучно.

Второе: сразу в бой. Эпичная схватка с огромным чудовищем, из которой я вышел победителем. Древняя арена с обломанными колоннадами. Брызги крови, всполохи огня, дым коромыслом. И огромная туша, с грохотом и лязгом упавшая за моей спиной. А я с торжествующей улыбкой шагаю дальше, навстречу...

Терпение, друзья: скоро будет.

И, наконец, третье: ужин в узком семейном кругу, памятный вечерок, беседа, с которой всё и началось.

Думаю, этот вариант сгодится.

Итак, представьте себе: старинный замок, из тех, что поражают воображение умелым сочетанием архаичной древности и монументальной мощи; обеденный зал, больше похожий на тронную — настолько он был огромен (гобелены с изображениями памятных битв и статуи героев прошлого присутствуют, куда ж без них!); длинный дубовый стол, свежи в чугунных узорчатых канделябрах, дрова потрескивают в камине.

Мой приемный отец, первый, как мы привыкли его звать, щелкнул пальцем, небрежно откинувшись на спинку кресла.

— Э, не спите, э, молодой человек! — сказал он. — Мой

кубок, э, пуст!

Слуга, со страхом прижимая к груди кувшин с вином, по-дошел к столу, наполнил серебряный кубок. Руки его дрожали. Отчего-то всех слуг первого трясло, а также у бедняг бледнело лицо, стоило им оказаться поблизости того, кого во всех подвластных нам мирах принято именовать Примигенио. Полный титул не стану приводить, иначе читатель, устав от перечисления регалий, с большей вероятностью захлопнет данную книгу и переключится на что-то другое.

Я поморщился. По мне всё это дешевый пафос и ничего более. Но это я так думаю. Толпы яростных почитателей первого в нижних мирах, кои он сам милостиво называет *encomiendas*, считают иначе. Папаша, видите ли, покровительствует владениям, где во славу его вырезают инакомыслящих сотнями.

— Вот так-то лучше, — кивнул первый. — Чудесное вино!

Племянник моего, с вашего позволения, папаша — бледный юноша с лихорадочным взором и взъерошенными волосами — фыркнул. Не мог сидеть спокойно, ерзал, нервно сжимая любимую игрушку — рубин в золотой оправе, что являлся, как многие могут догадаться, камнем суть магическим. Глядя на племянника, я никак не мог отделаться от мысли, что матушка-природа отчасти поиронизировала над ним — сей юноша выглядел настолько... как бы выразиться поточнее? Насколько по-девичьи тонко, кожа была настолько

бела, а роскошные реснички вметывались так круто, что его ужимки и дергания представлялись мне муками запертого в этой тщедушной оболочке сурового героя, кем он изо всех сил старался казаться.

Он у нас — я имею в виду бледного женоподобного юношу — ни много ни мало, бог справедливости, или, если угодно, Ultor Divinius, то бишь эль Хустисьеро Дивино и даже (только не смейтесь!) дон Хуан де ла Пенитенсия Перпетуа, Судия Павших, Бич Злодеев и Утешение Страждущим, пусть и невольно. Уж не знаю, что у него за душой, но изображал святошу так ревностно, что это всех раздражало. А так-то простодушный парень! Правда имя у него, как вы, должно быть, догадались, было несколько простоватое — Хуан. Хуанис, Хуанито, князь добра, оплот милосердия, меч возмездия. Звучит, как думаете? По-моему нет. Отсюда и насмешки.

Особенно усердствовала Ханна, его сестра, богиня войны, ла Беллона или ла Фурия, как я дразнил ее, к вящему неудовольствию последней; она же себя если и называла, то непременно Ханнитой ла Сангвинарией, ибо кровь — ее любимая субстанция, друзья. Полагаю, неспроста, ибо выглядела Беллона как оживший труп — сама угловатая; кожа бледная, но в темных родимых пятнах, задубевшая какая-то, как будто некий скверный таксидермист натянул поверх мышц плохо выделанный кусок кожи; глаза как бы воспалены, и красные, сочатся злобой вечной; смоляные волосы наполовину скры-

вают лицо. Несносная девица, язвительная и скорая на расправу — кинжал с отравленным лезвием всегда под рукой. Даже здесь, во владениях первого, во время тихого ужина. Одно слово — война, беллона.

— Хуанчо в своем репертуаре, что вы хотите, — сказала она со вздохом.

Несвойственная реакция. Подперла щеку, скривила тонкие бескровные губы. Обычно Беллона мечет молнии, а сегодня что-то поникшая. Никак первый дал взбучку. Слыхал в одном из миров начался повальный мор. Обычный исход после вмешательства этой окаянной ведьмы.

(Да-да, друзья, вы оказались в компании небожителей, иначе говоря существ, достигших всемогущества, магов, развивших искусство до умопомрачительных высот, и оттого с полным правом называющихся богами. Многим это не по нутру, но это так. Мы — боги, черт возьми! Ибо, как обожал выражаться первый: «мы с вами не что иное, как los arquitectos del universo». Хех, ну да, ну да...).

— Тебе что-то не нравится? — спросила Хуана его мать Алисия, Diosa del Amor, владычица сердец, Дама Вечного Племени, Анэлада, как она сама себя величала, и так далее — перечислять можно бесконечно. Сестрица первого и выглядела, как полагается — красавицей, каких поискать. Мечта поэтов и художников, муза, вдохновение непреходящее. Она закономерно считала себя самую предметом воздыхания всех богов и смертных. На деле же, если верить слухам,

ее самый пылкий и надоедливый поклонник — какой-то царек с никому неизвестного мирка — в конце концов устал от нее, последние годы предпочитая капризам прославленной La Dama de la Llama Eterna бутылку доброго вина и общество борзых псов.

Однако, глядя на это великолепие, я никак не мог отделаться от мысли, что смотрю на ожившую куклу. Жутковатое чувство, знаете ли. Иногда Алисия снилась мне в кошмарах, где снимала с себя платье, обнажая перетянутое грубыми нитками тело из папье-маше.

Странно — внешне Алисии никак больше восемнадцати, с другой — она же бабка! Древняя, как и первый. Тот хотя бы возраст не скрывал — борода до пупка, морщины, кустистые брови. Чересчур мускулист, мышцы так и бугрятся, но тут уж бремя абсолюта накладывало свои условности. Подозреваю, первый воспринял предназначение (а скорее самоназначение) буквально, что и вылилось в это безобразие. Скажу по секрету: сизмальства меня занимал один вопрос: «если проткнуть его булавкой, что произойдет? Не разорвет ли его, с извержением некоей упругой студенистой массы, что распирает его изнутри?» Проверить это на деле, как вы понимаете, я не осмелился. «Не тычь в бога богов булавкой — беду накликаешь», — такая поговорка бытует в энкомьендах-ортодоксах, где культ Примигенио доведен до безумия, где могут четвертовать даже за косой взгляд на священный образ, не говоря о чем-то большем.

Чрезмерная сила и ему самому мешала — родитель мой постоянно пыхтел, оттирая белым платком проступавший на лбу пот.

Ничего не поделаешь, бог должен выглядеть эпично.

— Видимо, Хуанито негодует, — сказал я, отправив в рот кусочек мяса. — Впрочем, как обычно. В мире столько зла!

Позвольте представиться — Аркадио, бог хитрости и коварства. Безо всяких там «крадущийся в тени», «таящийся во мраке», «сын ночи» или «владыка перекрестков и темных подворотен». Я — el gato, друзья, а раз так, то, как и всякий истинный кот, являюсь вором и пройдохой, и покровительствую всем подобным. Признаюсь в этом честно, без обвиняков.

Хитрость и коварство, *sarajó*. Никакого пафоса. Только работа.

Как и сказал, я — приемный сын первого. Старик отыскал меня, голозадного пацаненка в одной захудалой энкомьенде. Проявил милосердие, как ни удивительно. Если бы я прежде не стащил у него кое-что...

Кое-что — кусок хлеба с сыром и ветчиной. В кои-то веки Примигенио решил вкусить простецкой пищи, проголодался, видите ли, а тут — глядите-ка! — влез пострел. Не ахти что, но зато из-под носа бога богов.

Старик оценил поступок, взял меня за шкурку, швырнул в свою карету. Сел рядом, задумчиво посмотрел, как я с остервенением пожирал пищу, не обращая внимания на вспых-

нувший над божественной дланью огонек, на смолкших в ужасе жрецов, на павшую ниц толпу.

Так я стал тем, кем являюсь и поныне. Завидный скачок в карьере, верно? И еще один повод для насмешек.

Предвижу вопрос: почему именно коварства? Спросите первого, боюсь только, он и сам не сможет ответить на этот вопрос. В свое оправдание скажу: я честно отрабатывал предназначение, не всегда успешно, но тем не менее. Благодаря чему обрел относительную популярность в соответствующих кругах. На зависть многим.

Интересная компания, не правда ли? Всегда удивляло, насколько мы разные. Причем все — ведь в нашем примечательном семействе есть еще выдающиеся личности. В прямом и переносном смысле.

Хуан сдернул с воротника салфетку и швырнул ее прямо на тарелку с устрицами и мидиями в винном соусе.

— Я больше не могу молчать! — заявил он, стиснув кулаки.

— Что-то ты сегодня возбужден, мой милый малыш, — сказала Алисия, ласково похлопав его по ладони, но Хуан отдернул руку и спрятал в складках своего пышного платья, расшитого золотом.

— Во мне кричит кровь невинно убиенных! — продолжил он, уткнувшись в тарелку.

Слышать такое от сопляка-мосито — то еще дело, но мы привыкли. Контрасты порой так и прут.

— Ты о том, что устроила Ханнита? — равнодушно спросил первый, откинувшись на спинку кресла.

— И об этом тоже. Меня всегда удивляло, как мы можем пировать, зная, что где-то гибнут люди? Что где-то умирают от голода дети, а их родители вынуждены драться за отбросы с плешивыми псами? Ведь даже эта еда создана не нами! Эти устрицы... они похищены прямо из-под носа нуждающихся!

— Хуанито, сынок, успокойся, пожалуйста... — взмолилась Алисия.

— Нет, мама, я больше не могу молчать!

— Пусть говорит, hermanita пусть, — сказал первый.

— Сегодня утром я проведал об одной любопытной энкомьенде, — приободрившись, продолжил Хуан. — Точнее сказать, это неподвластная нам земля, тайный мир, если вы не поняли. Некто, зовущий себя, с позволения сказать, «богом света», сиречь Lux Deus (заметьте — какая вызывающая наглость!), иль, в другом варианте Люминозо, топит свои владения в крови! Я прошу вас, дядя, разрешить мне вмешаться!

Первый ничем не выдал удивления.

— Позволь, э, спросить: откуда тебе ведомо о нем?

— Это секрет, дядюшка. Ну так что, ты разрешишь мне? Я не могу больше сидеть и безучастно наблюдать за происходящим! Кровь невинно убиенных вопиет! И вообще, что я за бог такой? Только и делаю, что чахну над книгами и свитками! Позволь испытать себя в бою! Позволь свергнуть само-

званца и дать возможность людям почитать истинного бога!

Я усмехнулся, что не укрылось от приемного отца.

— Ты, э, что-то хотел сказать, мой мальчик?

— Да так, ничего. Просто, зря ты предоставил ему доступ к своей библиотеке. Видишь, во что это вылилось?

— Вижу, мой мальчик, вижу. Я, э, в печали.

— Да чего с ним возиться! — рявкнула Беллона. — Хочет сунуть голову в петлю — пожалуйста!

— Еще одна болтушка... — тихо произнес я.

— А ты закрой рот, мозгляк! Выискался тут, приبلуда! Иди червей жри, раб!

— Дети мои, детки, любимые! Ну не ссорьтесь, умоляю! — заломив руки, притворно воскликнула Алисия.

Первый допил вино и задумался.

— Так и быть, Хуанито, *mi amado sobrino*, даю, э, тебе разрешение, — вдруг сказал он.

— О мой брат, не надо! — На этот раз Алисия воскликнула искренне.

— Нет, эрманита, вынужден, э, отказать. Понимаю, э, Хуанито — твой любимец. Добрейшей, э, души мальчик. — Добрейшей души? О, как же папаша мой ошибается... — Но он действительно, э, засиделся в наших, э, чертогах. Пора выпускать птенчика на волю. Мы, э, боги, в конце-то концов. Лос аркитектос, э, дель юниверсо, так сказать. Не забывай об этом, племяшек. Никто, э, не отменял нашего служения во славу паствы.

Так-так, это уже интересно.

— Я могу идти? — с вызовом спросил Хуан.

— Ступай, мой обожаемый племянник, ступай! — мило-
стиво позволил ему Примигенио.

— Удачи, сынок! — смахнув слезинку, сказала Алисия.

— Помни: я люблю тебя!

— Кол тебе в зад, чахлик! — прорычала Беллона. — Ты
и дня не протянешь там, болван! А затем я спляшу на твоих
костях!

— Замолчи, Ханна! — грозно сказал первый. — Я с то-
бой, э, еще не закончил.

Хуан порывисто вскочил и убежал. Рубин выскользнул из
его кармана, но я успел его подхватить и спрятать.

Я хмыкнул.

— У тебя, э, тоже есть что сказать, мой мальчик? — спро-
сил меня приемный отец.

— Да так, ничего.

— Не юли, говори, как есть, нищеврод! — сказала Ханна.

Чистый яд. Если честно, мне ее жалко. Как такую любить?
Вот и обречена она на вселенское одиночество...

— Ну Ханна, Ханнита, девочка моя! — укоризненно ска-
зала Алисия.

— А что Ханна? — огрызнулась Беллона. — Чуть что,
сразу Ханна! Вы посмотрите на них — на вашего Хуанчо и
эту помойную крысу! Сидят в тепле, жрут и пьют от пуза. Ка-
кой от них толк? Хуанчо — бог справедливости? Да неужто?

И чего справедливого он сделал за свою жизнь? Ныл и скулил? Почтительно целовал ручку маме и любимому дядюшке? Лебезил? Тьфу!

— Ханнита, умоляю!

— Нет, мама, на этот раз я молчать не стану! Вы все здесь чистенькие! Никто из вас не спускается вниз, чтобы посмотреть, что на самом деле происходит! Одна я копаюсь в грязи, да еще и упреки получаю! Вот пускай ваши игрушечные божки, например этот нищерброд, — тут она плюнула в мою сторону, плюнула, представляете? (разумеется, я увернулся), — попробуют на своей шкуре, каково это, быть среди людей!

— Ханна, пожалуйста!

— Нет, мама! Нет, нет и нет! Я привыкла говорить правду, как бы жестоко она ни звучала! Ты послал Хуанчо-остолопа в логово этого самого Люминозо, дядюшка? Что ж, помянем дурачка!

Жанна подняла кубок с вином, одним махом опрокинула содержимое, кинула в сторону и удалилась.

Всё, у папаши окончательно испортилось настроение. Как правило, в таких ситуациях бывают последствия. И они не заставили себя ждать.

— Мой мальчик, — произнес приемный отец грустным тоном. — Признаю, э, свою ошибку. Две ошибки. Нет, даже три. Первая ошибка: я, э, дал слабину. Зажрался, проще говоря. Видно, старею... — Первый задумчиво постучал пальцем по столу. — Вторая ошибка: мы, э, вырастили настоя-

щую змею, эрманита, гадюку, каких поискать...

— Нет! — шокировано произнесла богиня любви.

— Да-да, я заточу ее, пусть посидит, охладится, э, как следует.

А вот и вселенское одиночество подросло. Первый такой — скор на расправу.

— А теперь, э, что касается тебя, мой мальчик. Третья ошибка — я, э, слишком долго берег вас. С Хуаном, э, вышла накладочка. Боюсь, э, он не готов. Поэтому, э, ты отправишься его спасать, мой мальчик. Тот, кого племяшек назвал... он, э, опасный противник, помни об этом. Докажи на деле, насколько ты коварен и хитер, а то, э, и правда, только и делаешь, что девиц портишь да гуляешь. В этом нет никакой хитрости, мой мальчик... Пора бы, э, доказать, что ты достоин быть моим наследником, возлюбленный мой сын. Подвиги ждут тебя!

— А что, я готов, — сказал я, украдкой пряча отравленный кинжал Ханны.

* * *

Портал с шипением схлопнулся за моей спиной.

Придержав шляпу с орлиным пером, оглянулся — я оказался у края пропасти, на летающем острове. Чуть пониже парили еще куски земли, покрытые зеленью, либо усеянные скалами. Всех форм и размеров. Со строениями и без. На острове, где я оказался, раскинулся целый город — куча величественных зданий. Главный замок скрылся в облаках.

Впереди — ворота, охраняемые двумя рыцарями в серебряных латах.

— Пошел вон! — сказали они.

— О сеньоры! Ну зачем же так грубо?

— Соискателям нет входа. Los pretendientes no pueden pasar.

— Лос претендъентес? И чего они соискуют, если позволите?

— Славы Люминозо, бога-светоча, sit benedictus его осиянное безграничной мудростью имя.

— Вот как? Позвольте полюбопытствовать, он что, и вправду может поделиться ею? Своею славой?

— Если его убить. Но это невозможно.

Даже так?

— Нет ничего невозможного, — самонадеянно заявил я. Несмотря на несколько скептическое отношение ко всей нашей выпренной когорте, я тоже не был лишен греха надменности. Как гласит народная мудрость: «с кем поведешься, от того и наберешься».

— Многие так думают, — последовал ответ.

— Ладно, мне некогда с вами лясы точить. Позвольте один вопрос. Вы, случайно, не видели тут такого бледного юношу? Волосы длинные, светлые, весь такой нервный... Наверняка кричал что-то вроде: «подите прочь, смерды!», или там «дайте дорогу богу справедливости!», «пора злодею поплатиться за всё!» и так далее.

Стражники переглянулись.

— Был неделю назад.

Неделю назад? А у нас прошло всего-то полчасика.

— И что с ним стало?

— Как что? А что может с ним случиться?

— Не знаю. Я тут в первый раз. Вот и интересуюсь. Так что с ним случилось?

— Твой приятель уже гниет в земле, где-то далеко внизу, в городе Скорбь, на забытом всеми кладбище, среди воронья, падали и бешеных псов. Как-то так, подробностей, мы, увы, не ведаем. За подробностями туда. — Стражник, усмехнувшись, указал вниз. — Мы можем помочь тебе свидеться с твоим приятелем. Окажем милость, ибо мы добрые.

— Ух ты!

— Ты разве хочешь такой же судьбы?

— Нет, не хочу, — ответил я, незаметно всадив кинжал моей дражайшей кузины в шею того, что слева. Он умер за секунду — кинжал пропитан концентрированной скверной, *essentia tenebrarum*, черной магией колдунов из мира хаоса. Вмиг почернел и мумифицировался, бедняга.

Тот, что справа, был настолько шокирован, что пронзить его мечом не составило труда. Мой клинок способен прошить любые латы, какими бы крепкими они не оказались.

— Мне жаль, ребята, что так получилось, — сказал я, оттащив трупы в караулку. — Вам следовало быть учтивей с богом коварства.

Не люблю смертоубийства, но что поделать. Впрочем, подозреваю, что этот мирок не так прост. Вполне возможно, парни возродятся. Будут как новенькие!

Пользуясь случаем, осмотрел помещение. Ничего необычного — стойки с мечами, мушкеты, алебарды, шлемы, щиты. Кроме того, на вешалке одежда, в том числе плащи. Среди прочих — белый, с меховой окантовкой. Точно принадлежал офицеру. Надену, пожалуй. Глядишь и за своего сойду. Идти-то далеко.

Здесь есть дверка, наверняка ведущая внутрь города. Поищу-ка ключи. Ага, вот они, висят на гвоздике над столом. Прекрасно!

Еще разок проверил амуницию. Кроме меча, рубина кузнеца Хуана, висящего на цепочке на шее, и ядовитого кинжала за пазухой, у меня с собой пара пистолетов, три перстня — на исцеление (*anulus sanationis*), магический щит (*anulus muri*) и на ускоренную реакцию (*anulus reflexuum*). Сумка с зельями и порошками на все случаи жизни.

Стандартный набор благородного кабальеро *de fortuna*, сформировавшийся за годы походов. Я не воин, скорее вор. Замечу: благородный вор, *ladrón honorable*, а не тот, кого на рынках принято называть грязным словечком *ра́теро*, или, что еще хуже, *чорíзо*. Можно, конечно, пользоваться заклинаниями — например, я хорошо владею тем же «щитом» — но на их активацию уходит драгоценное время, что, порой, имеет большое значение.

Выглянул — никого. Пора. Надвинул шляпу пониже, запахнулся в плащ, двинул и тут же сослепу столкнулся с дамой под руку с молодым человеком.

— Ой простите, друзья! Не увидел, тысяча извинений!

— Ничего, ничего.

— Погодка сегодня дивная, не находите?

— О да!

— Правда ветрено. Придержите шляпку, сеньорита, а то сдует! Прошу вас, проходите! Еще раз прошу прощения, я так неуклюж! Доброго дня!

Раскланявшись, пошел дальше, украдкой рассматривая достопримечательности и стараясь держаться подальше от стражи. Которой здесь немало, и конной, и пешей.

Что сказать? Местечко если и уступало пантеону первого, то немного. Фонтаны, сады, дворцы, кареты, празднующиеся парочки, все такие вежливые, манерные. В светлых развевающихся одеждах. Идиллия.

Я своим темном наряде сразу бы привлек внимание, поэтому плащ пригодился. Не зря нацепил, ох не зря. Однако медлить нельзя, покойников скоро обнаружат. Плохо, что пустил в ход клинок Беллоны — хоть и слабый, но магический след. Опытный колдун сразу просечет. Остается надеяться, что караулка — последнее место, куда они могут заглянуть.

Без проблем добрался до внутреннего города. А дальше — тупик. Ворота открыты, но охраняются настоящими чу-

довищами — закованными в вороненные латы воинами ростом не меньше девяти футов. Я и сам немаленький — шести футов с вершком, так что можете себе представить. Там же заметил «старых знакомцев» — заклинателей огня. Их посохи с объатым зеленоватым пламенем навершием ни с чем не спутаешь.

А Люминозо-то, наш, с позволения сказать, бог-светоч, да не будет никогда благословенным его осиянное безграничной наглостью имя, у нас не такой уж светлый! Не гнушается пользоваться услугами магов скверны. Любопытно, любопытно.

С этими ребятами вообще шутки плохи — поджарят, как курицу на вертеле. Нет, вариант «напролом» отсекается. И стена высокая, не перелезть. Придется искать обходной путь.

Углубился в сады, поплутал там, спугнул несколько сладко ворковавших парочек, но вскоре заметил лазейку, коим оказался дуб, кряжистый, ветвистый. Макушкой касался парапета. Прикинул — смогу ли залезть? Не вопрос! И не такие вершины покорял. Главное, не привлечь внимания.

Улучшив момент, взобрался. Прыжок — и я на парапете. Побежал, пригнувшись, оглядываясь. Стражи на стене немного, им откровенно нечего делать. Вот вам шанс поразвлечься, друзья! Какие-то вы вялые, никак каши не ели? Те, кому не посчастливилось встать у меня на пути... Что ж, они отдыхают. Если есть возможность обойтись без смертей, я этим пользуюсь.

Вот и главные ворота, за которыми до личных покоев бога света рукой подать. Во всяком случае, так кажется. Только есть загвоздка — на воротах красуется магическая печать.

Но и до ворот еще надо дойти. А к ним ведет широкая лестница, полная стражи. Пригляделся — засуетились ребята, забегали. Больше всех негодовал усатый страж, судя по всему алькальд, в точно таком же белоснежном плаще.

— В городе претенденте, братья! — вопил он, потрясая судейским жезлом. — Опасный сукин сын — двоих убил, и больно шустрый — утек, паршивец. Двигается тихо, магией почти не пользуется. Хитер! Но ничего, и не такие попадались! Глядеть в оба — он где-то здесь, нутром чую! Его сразу узнаете — в черной шляпе с пером, а также в плаще, который он спер из караулки! Горсть дублонов тому, кто поймает гада!

Проклятие! Быстро они меня вычислили! Делать нечего, придется выпить зелье невидимости, старое доброе *sombra fugaz*. Да, это магический след, но иначе никак. Мне бы внутрь попасть, а там будь что будет. Зелье действует недолго — минут десять, но хватить должно. Главное, до затвора добраться — эта штука бога коварства точно не остановит. Замки, запоры, печати — мой профиль, сызмальства талант. Мои воспитатели вспоминали, что орудовать отмычками я научился прежде, чем писать.

И вот, цель близка! Уже эйфория охватывает, аж задрожал. Но, как всегда бывает в таких случаях, в последний мо-

мент всё чуть было не сорвалось — я на полном скаку столкнулся с тем горластым усатым офицером. Заклинание испарилось и вот он я, как на ладони, берите меня тепленького.

— Нашел подлеца! — закричал алькальд прежде, чем я успел уложить его хорошо поставленным ударом правой. Напавал — нескоро придет в себя.

Бытует мнение, что драка — удел смертных. Опасное заблуждение, я всегда об этом говорил. И вообще, этому не в меру прыткому стражу я оказал честь — ведь в его физиономию впечаталась божественная десница, а не костыль какого-нибудь прощелыги.

Итак, вот она — печать, сигиллум. Классическая каменная скрижаль с рунами, ничего нового. Взломаем на раз-два. Но расслабляться нельзя — пули яростно застучали по брусчатке. Я аж подпрыгнул с испугу. Одна чуть было не вышибла мне мозги, благо магический щит сработал. Но против шквала огня анулус мори не убережет. Пора применять спецсредства.

— Карахо! — ругнулся я, вытащив порошок с так называемым «дезориентирующим туманом», или «пылью забвения», *pulvis oblitus*. Зубами сорвал завязку. Не забывая отстреливаться, кинул горсть в бегущую по мою душу вооруженную толпу, вдогонку прошептав усиливающее заклинание. — Получите и распишитесь, сеньоры! Советую потом выпить пару-тройку стаканов вина — помогает избавиться от последующей головной боли!

На время я себя обезопасил. Но мешкать нельзя. Сыпав на магическую печать разблокирующий порошок, проще говоря, кислоту, усиленную заклинанием, встал в защитную стойку — меч в правой, пистолет в левой — верный дуэлет, не раз выручавший.

— Ну давай же, открывайся быстрее! — рычал я, обливаясь потом.

Туман медленно, но верно рассеивался, и паника, охватившая стражу, отступала. Кое-кто уже полез в атаку. Самых прытких я отгонял выстрелами из пистолета, но, когда они попрут толпой, придется туго. К счастью, в последний момент ворота со скрежетом отворились. Не мешкая нырнул в освободившийся проход. Ворота за мной закрылись сами собой. Я выдохнул с облегчением. Успел. Но, как оказалось, то были цветочки. А ягодки...

Ягодка у нас пока одна, зато какая! Я оказался на боевой арене, нос к носу со здоровенным бронированным *bestioso*, похожим на быка — рога, клыки и увесистая секира, покрытая запекшейся кровью, прилагались.

Той самой заброшенной арене, о которой упоминал в самом начале повествования.

— Да вы издеваетесь! — воскликнул я, глядя, как антропоморфный бык-переросток, взревев, бросился на меня.

Глава 2. Здравствуйте, я — Аркадио, бог... дураков

Сразу скажу — поединок, зрелищем которого очень скоро сможет насладиться читатель, стал последним моим выдающимся подвигом в последовавшей за тем чередой неудач. Да, тут я предстаю скорее рыцарем в классическом понимании, но что касается профессии...

К сожалению, похвастать нечем. Придется вам поверить на слово, что я истинно тот, за кого себя выдаю. Но я снова забегаю вперед. Что поделать, воспоминания до сих пор бередят душу.

Не будем больше отвлекаться, предоставим истории течь своими тернистыми путями.

Итак, чудовище обрушило на меня свою чересчур большую секиру — не проблема, успел отскочить, а вот огненный шар, *globus ignis*, мать его так, что прилетел секунду спустя, я пропустил — магический щит, разумеется, сработал, но ударной волной меня снесло на добрую дюжину шагов. Шляпа слетела с головы, ударился копчиком, кувыркнулся, лицом пропахал землю, белый плащ запачкал и порвал.

Тут же внутри разлилось живительное тепло — перстень санационис сработал. Но до полного восстановления требуется как минимум пара минут, а между тем противник на-

седал, не давая передышки. Атака за атакой, пыль столбом, земля тряслась от сокрушающих ударов.

Едва успевая уворачиваться от последовавшего шквала, — спасибо рефлексуум, — чередовавшегося с проклятыми игницами, я лихорадочно думал, что бы такого противопоставить монстру? Магический щит слабел с каждой минутой, перстни нагревались так, будто пальцы окунули в кипящий котел, да и я сам не совсем оправился.

В отчаянии царапнул тварь кинжалом Беллоны. Надежды на него мало, заряда — кот наплакал. Дело в том, что такие штуки именные. Они подпитываются от хозяина. По-хорошему, мне бы следовало перенастроить его, но времени не было — родитель поторапливал.

Тем не менее, даже остатков яда хватило, чтобы вывести из строя левую лапу чудовища. Колдовская перчатка, ответственная за пламя, с шипением сгорела, ладонь почернела.

Осталась секира. И как сие создание не устало ею размахивать? Орудие весит, наверное, как повозка, доверху груженная кирпичом. Всю арену раскурочил. Это вдобавок к догорающим обломкам и едкому дыму, от которого слезились глаза и першило в горле.

Пара каких-никаких заклинаний у меня в запасе имеется. Первое — обычный «вихрь», ремолино. Понимаю, не ахти что — уровень ученика. Эдакой громадине подобное — всё равно что оплеуха, полученная от малохольной девицы. Но хоть на десяток секунд ошеломить, а там я пушу в ход гораз-

до более действенный препарат — мою излюбленную «почесуху», *picazón*. Порошочек, изготовленный лично. Строго говоря, это не порошок, а крохотные, но очень прожорливые жучки. Как вцепятся — пиши пропало. С каждым укусом чертенята увеличивались в размере, пока от жертвы не оставались лишь косточки. А затем жучки самоуничтожались. Только бы попасть.

И я попал! Великолепно! Полпути пройдено. Бестиозо уже начал вопить и чесаться. От его рева содрогались и без того едва державшиеся стены.

Попробую-ка «небесные стрелы», *Sagittae Caelestes*. Добью. Чтобы бог и не метал гром и молнии? Я не из таких, но в особых обстоятельствах почему бы не воспользоваться подарком приемного отца?

Первая стрела полетела — ох ты, у твари тоже есть блок! И он выдерживает! Не беда, пушу вторую — блок с треском разлетается, тут же третью — прямо в харю тебе, приятель! Это тебе не пылающими шариками швыряться, такими пустяковинами только мальчишкам пятки подпаливать. Это, братец, наказание от самого бога богов!

Остановился на мгновение, чтобы полюбоваться результатом. Монстр еще стоял, пошатываясь, секира упала, а из ушей валил дым.

Финальный штришок — с наскоку рубануть по толстой мохнатой роже. Чирк — готов! Вот так истинный пикадор и должен смирать не в меру буйного быка.

Как я там выразился в самом начале истории? Древняя арена с обломанными колоннадами. Брызги крови, всполохи огня, дым. И огромная туша, с грохотом и лязгом падающая за моей спиной. А я с торжествующей улыбкой шагаю дальше.

Так и есть друзья. Нет, ну разве я не молодец? Видишь, отец, я тоже кое-что умею!

Так, погляжу, что тут у нас? Еще одни врата. На них снгиллум посерьезней предыдущего — одно взгляда на руны хватило, чтобы в глазах помутилось. Справится ли порошок? Нет, тут нужен дешифратор.

Ну вы понимаете, чтобы у бога хитрости, читай — повелителя жуликов и воров — не имелось бы в заглашнике ничего такого? Штука небольшая — коробочка с присосками. Чпок на стену — и начинается таинство. Главное завести. Ключом. А вы что думали? Магия не бесконечна, иногда приходят на помощь механизмы.

Пока дешифратор взламывал чертову печать, я успел заскучать. Отряхнулся, почистил шляпу, пересчитал, что имею (признаюсь, негусто), выкинул безнадежно испорченный плащ. Всё равно белый мне не к лицу. Я смуглый, черноглазый, черноволосый — из низов, как-никак.

Что бы ни болтали завистники, я горжусь своим происхождением. Да, мои настоящие родители так и сгнули в трущобах, ну и что? А я стал богом. Ни больше ни меньше.

Наконец-то запор взломан. С трудом отодвинув каменные

створки, отправился дальше. А дальше у нас длинная арка. Или мост, узкий, без перил. Вздымался над пропастью, будто замершая в полете ветвь, сорванная с материнского дерева ураганом. Над аркой парили драконы. Зрелище — дух захватывало. На том конце — замок Люминозо. Завис над бездной, гордый и одинокий. Острые шпили пронзали небеса. Вблизи он гораздо мрачнее.

Наблюдая за драконами, я задумался — нападут, нет? Мне с такими не совладать. Нет, правда, шансов — ноль. Если только не принять сомбру, хотя, вряд ли это поможет — драконы по сути своей магические создания, им любое колдовское средство всё равно что маяк посреди бушующего моря.

А, была не была! Пойду так, по пути что-нибудь придумаю. Сильно сомневаюсь, что эти гордые создания будут пресмыкаться перед каким-то там индюком, что бы он из себя ни представлял. Даже первому так и не удалось приручить ни одного (а он старался, уж поверьте!)

Так и есть — пока шел, никто не спикировал, не обдал меня испепеляющим жаром (а пламя драконов сжигает абсолютно всё, никакие щиты не помогут).

У очередных ворот (если честно, уже сбился со счета) стоял двойник усатого алькальда, только выше, массивнее и в доспехах не в пример дороже. Так и сверкал на солнышке. Сложил руки в латных рукавицах на навершии огромного двуручника. Взгляд настолько недружелюбный, что мне ста-

ло не по себе.

Я вздохнул. Теперь и с этим придется сразиться. А пятачок-то крохотный, не развернуться. Малейший толчок — лететь придется долго.

— Э, приветствую вас, многоуважаемый... — начал я и запнулся. Кто он — коннетабль, мажордом или обычный рыцарь? Нет, кто угодно, только не обычный рыцарь — уж больно грозен.

Я выждал минуту, но ответа не получил. Так не хочется вступать с ним в драку! Ладно, попытаюсь еще.

— Послушайте, многоуважаемый кабальеро, может, пропустите? — спросил я его. — Ну что вы все кидаетесь на меня, будто я чудовище какое? Мне бы только поболтать с вашим хозяином, ничего такого. О, прошу прощения, не поболтать, а выказать свое почтение его чрезвычайному святейшеству, а заодно — если его милость, конечно, пожелает — задать пару незначительных вопросов. Ничего такого, так, ерунда... Кстати, вы не встречали тут парнишку — светло-волосого, дерганного...

— Нет, не встречал, — неожиданно перебил меня кабальеро, открывая дверь. — Хозяин ждет.

— Вот оно как? Его милость оценили мои старания? Польшен, весьма польщен.

— Иди, не заставляй его ждать.

— Неужто даже оружие не заберете?

Вместо ответа рыцарь принялся устало наблюдать за по-

летом драконов, всем своим видом показав, что я его больше не интересую.

Заглянув внутрь, я поморщился.

— А куда идти-то? — спросил я. — Там столько комнат!

— Прямо и наверх. Всё время прямо и наверх, не промахнешься.

— Ну спасибо. Позвольте представиться, раз уж мы, так сказать, нашли общий язык — дон Аркадио, к вашим услугам.

— Иди, Аркадио, и да будет к тебе милостив бог-светоч. В чем я сомневаюсь.

— О, я и сам бог! — зачем-то сказал я.

— Ну да, ну да. Что это я? И не заметил. Смотрю — бедолага какой-то заявился. Что ему надо, бедолаге? Может, медяк подарить? Ах, незадача! У меня и медяка-то нет. Ни единого куарто. Только чистое золото. Россыпь чеканных дублонов. А достоин ли бедолага золотишка? Ага, он утверждает, будто сам является богом. Ну что ж, будем знакомы, «бог», хе-хе-хе. Я — тоже бог. Дон Алоизо.

Эта тираду дон Алоизо выдал с крайне невозмутимым видом.

— А вы, я погляжу, шутник, дон Алоизо.

— Хорошая шутка продлевает жизнь, Аркадио.

— Святые слова, почтенный.

* * *

Я ожидал увидеть кого угодно, но только не книжного

червя с окулярами на носу, увлеченно читавшего толстенный фолиант в мягком кресле посреди огромной библиотеки. Верх стеллажей, заставленных тысячами книг, терялся в туманной дымке. А вместо потолка — небо с курчавыми облаками, которые пронзали неугомонные драконы.

— О, долгожданный гость! — сказал Люминозо, снимая очки и откладывая книгу на столик, где уже стояли графин и пара бокалов. — Аркадио, я не ошибся? Поздравляю, Аркадио, ты первый за много лет, кто сумел добраться до моих покоев. Прошу, проходи, не стесняйся! Вина?

Пренебрежение, с которым ко мне отнесся Алоизо, испортили настроение. Поэтому я решил не расшаркиваться перед самозванным богом-светочем.

— Послушайте, я сюда не вино пить пришел, — сказал я, присматриваясь к хозяину.

Первое впечатление обмануло. На самом деле Люминозо трудно назвать чахоточным книжником. Это был статный мужчина средних лет с волевым выражением лица.

— А зачем же тогда? Только не говори мне про своего кузена — тот юноша, увы, не смог преодолеть даже первого препятствия. Бедный мальчик... Мне было его откровенно жаль.

— Что за препятствие?

— Самое первое.

— Вы о тех недостойных, которых я... кхм... Если честно, не хотел, так вышло. Прошу прощения.

— Сказал молодой человек, пришедший убить меня, — задумчиво произнес Люминозо.

Вот теперь я и впрямь узрел бога — могущественного, под стать приемному отцу. Одного не пойму — что в нем светлого? От него так и несло негативной аурой.

И что это за мир такой, скрытый ото всех?

— Не собирался я вас убивать, — буркнул я. — Всего лишь хотел узнать, где Хуан, тот самый эль Хустисьеро Дивино, и кто вы такой.

— На первый вопрос отвечу, ответ на второй должен получить ты сам.

— Ну хотя бы что-то. Слушаю вас внимательно.

— Твой... — Тут Люминозо не выдержал и сдержанно рассмеялся, — твой кузен, чересчур поспешно назвавшийся «карающей десницей», внизу. Далеко внизу. В городе Скорбь, Congojas, что стоит посреди черной бездонной пучины.

— Это вы его туда определили? В ваш... как там? Конгохас.

— Мои слуги. Туда попадают все нежеланные гости. Эль Хустисьеро не исключение.

В устах Люминозо титул кузена прозвучал как тяжелое оскорбление. Я всё больше проникался неприязнью к хозяину этого странного места.

— И что он там делает?

— А это уже третий вопрос, мой друг, и он неразрывно

связан со вторым.

— Может, хватит говорить загадками?

Люминозо взглянул на меня. На миг у него сверкнули глаза, приоткрыв истинную сущность. Недобрую, скажу я вам. Воистину загадочный тип. Что он скрывает? Кем приходится моему родителю? Мне даже почудилось, что у них имеются общие черты...

— Да кто ты такой, чтобы я отсчитывался перед тобой? — спросил он с вызовом. — Ты вломился в мой дом, убив пару моих слуг, а также Стража-Быка, старину эль Торо, что служил мне верой и правдой столько лет; вломился без приглашения, прошу заметить, и требуешь ответы на свои вопросы?

Я пожал плечами.

— Не хотел обидеть, но мой приемный отец, с которым ты, может, даже знаком...

— Мне плевать на твоего отца! — прогремел в библиотеке голос Люминозо. — Мне плевать на всех вас, ибо ты — ничто! Вы все — ничто, пыль! Слышишь? Пыль!

Он взмахнул рукой — открылся портал.

— Сразимся же, несчастный, — сказал он. — Покончим с этим. Наконец-то разминка, а то я уже заскучал.

Смотрю — с той стороны ночь. Звездная, зловещая. Луна свинцом застыла на мрачном небосводе. И каменистая долина. Уныло завывал ветер, взметая иссушенную пыль.

— Вот так сразу? — сказал я. — Без прелюдий?

— О каких прелюдиях ты говоришь?

— Ну, может, всё же выпьем вина, как и подобает благородным кабальеро, поговорим более обстоятельно, спокойно...но...

— Ты слишком глуп для бога хитрости, тебе это известно?

— Вы не первый, кто мне это говорит.

— И кто наделил тебя таким титулом? За какие заслуги? Кого ты сумел обвести вокруг пальца?

— Самогó, — многозначительно сказал я, указав вверх.

— О!

— Честное слово!

— И что ты сотворил такого? Украл артефакт, обманул и сбежал из заточения, загадал загадку, на который он не нашел ответа?

— Спер его ужин.

Люминозо рассмеялся.

— Знаешь, а ты мне начинаешь нравиться, Аркадио, бог хитрости и коварства. Рад бы поболтать с тобой, но ты ведь претенденте, верно?

— Да кто такие эти ваши «претендентес» в конце-то концов? Можете мне объяснить по-человечески?

— Еще один вопрос, на который ты, если конечно, выживешь, сможешь найти ответ. Но ты не выживешь. Еще никто не выживал. Так вперед, юноша — жребий брошен! Впрочем, всегда и вовек конец ожидает один.

И невидимая сила засосала меня в портал.

Пинок под зад, и я кубарем покатился по земле. С места — в карьер, так, значит? Что ж, посмотрим. Мы на плато. Вокруг — пустота. Классическая арена для боя. Победенный низвергается в бездну.

Вскочил как можно быстрее, отбежал на безопасное расстояние. Ну, как и ожидал, Люминозо обернулся черным рыцарем. В руках самый обычный палаш. И больше ничего. Вы поглядите-ка на него — от спеси так и распирало! Походка неторопливая, в каждом движении — непоколебимая уверенность в себе.

Однажды приемный отец сказал мне — больше опасайся тех, кто представляется простаком, а не тех, кто корчит из себя героя. Но что-то мне подсказывало, что к Люминозо это не относится. Да и кто он? Рядовой воин с обычным клинком? Или всё же герой? Что толку изводить себя! В задницу его! Ну-ка, пиказон, не подведи!

Но, к моему величайшему изумлению, жучки сгорели, не долетев до цели, осыпавшись на землю крошечными искорками. Кинжал Беллоны? Люминозо небрежно взмахнул рукой — клинок обратился в пыль.

И так со всей моей магией — перстни холодны и безжизненны, зелья не действуют, вместо порошков — песок, заклинания — пшик.

— Еще не дошло, с кем ты имеешь дело? — спросил он.

— Нет. Понятия не имею.

— Вот же глупец. А еще бог хитрости, называется. Ладно, предлагаю простой и понятный поединок на мечях. Так, как наши пращуры бились. Что скажешь?

— Идет. Ну что, поехали?

В своем кругу я не без оснований считался отменным фехтовальщиком. Однако по сравнению с Люминозо я — ничтожество. Все мои финты, выпады и хитроумные уколы он парировал с завидным хладнокровием. А потом Люминозо пошел в атаку. И началось натуральное избиение младенца. За пару минут он искромсал вашего покорного слугу так, что я удивлялся, как у меня душа в теле держалась.

И вот кульминация — я стою перед ним коленях, истекаемый кровью. Люминозо срывает с моей шеи рубин кузена Хуана.

— Ты знаешь, что это такое, глупец? — спрашивает он.

— Нет, — с трудом отвечаю я. Губы распухли, один глаз затек, левая рука висела плетью, правой я сжимал рану на животе. — Не довелось испытать в деле.

— Занимательная штука. Твой эль Хустисьеро — мальчик с выдумкой. Что ж, Аркадио, должен поздравить тебя — ты многого достиг, но несмотря на это, тебе не миновать кары.

— Ты о своем дрянном городишке? Как его? Конгохас? Кто придумал такое название?

— Я.

— Оригинально.

Люминозо снял латную рукавицу, задумчиво почесал щеку.

— В каком-то смысле ты прав, — сказал он. — Это действительно, как ты соизволил выразиться, дрянной городишко. Еще какой дрянной.

У меня еле-еле душа в теле держалась, но Люминозо, похоже, упивался собственным могуществом.

— Лучше прикончи меня, — прохрипел я, невольно выплюнув порцию крови.

— Э нет, мой друг, это так не работает. Ты выбрал путь и должен пройти его до конца. Ты сполна познаешь всю меру, какую достоин. Ты побываешь там, где нет места счастью. Только мрак, уныние и несчастные во скорбях.

С этими словами Люминозо пнул меня в грудь. Я полетел в пропасть — ветер со злобным воем сопровождал горемычного бога хитрости и коварства.

— Да, чуть не забыл, Аркадио, бог дураков, — сказал он, с ухмылкой наблюдая за моим полетом. — Прими мой прощальный подарок — тебе пригодится. Используй с умом.

Эlegantным жестом Люминозо отпустил следом цепочку с висящим на нем магическим рубином кузена Хуана, несчастного бога справедливости.

* * *

Первое, что ощутил — вонь. Просто сногсшибательную вонь немытых тел и нечистот. Затем я почувствовал, как меня в буквальном смысле кто-то грыз. Зудело всё тело. Зуде-

ло и дико болело, друзья. В животе — пусто, перед глазами — туман.

Опа! Никак, я умер и нахожусь в царстве мертвых? Ну да, помню, помню — Конгохас, Скорбь, черт побери. Оказывается, вот оно, истинное название преисподней!

— Очнись! — услышал я грубый голос, следом последовал толчок в бок. — Держись, малой, а то еще кнута отхватим. Держись, не умирай.

Меня что-то шмякнуло по темечку. Камнем, что ли? Затем в лицо плеснуло ледяной соленой водой. А еще мне холодно. Босые ноги утопали по щиколотку в воде.

— Давай, малой, помогай, держись, прошу тебя! — прошил меня сосед. — Не помирай, ведь ты и меня так прикончишь.

Постепенно я пришел в себя.

— Раз, два, три! — раздался голос откуда-то сверху. — Навалились, псы! Быстрее, уже в порт заходим! А ведь, не ровен час, разразится буря! Вы же не хотите, чтобы нас потопило прямо у берега? Со всем добром? Так что навалились! Раз, два, три! Веселей, псы! Навалились!

Я взглянул на соседа. Несмотря на скверное освещение, разглядел на его наполовину заросшей бородой щеке литеру S, наискось перечеркнутую линией — гвоздем. Невольно потянулся к собственной и нащупал шрам. Прелестно, черт возьми! Я — раб на галере, пресловутый есклаво. Причем, едва живой.

Взору моему предстала ночь, непроглядная, воистину, как в преисподней, и ветер, и море взволновалось, брызги горстями холодили лицо.

Тем не менее, скудного света пляшущей лампы, привязанной к снастям, хватило, чтобы осмотреться. Прежде всего, отныне я тщедушный юноша. Тощий до ужаса. Подозреваю, душа парнишки уже умерла, раз я оказался в этом теле. Но я, друзья, парень крепкий, за жизнь цепляться мне не впервой, постараюсь выкарабкаться и в этот раз.

Мой сосед — обычный громила, такой же гребец, как и я. Мы связаны одной цепью. Это он пытался меня реанимировать.

— Держись, малой, еще немного, — бубнил он, косясь на надсмотрщика. — Хотя бы изображай, что ли...

— Я в порядке, спасибо, — прохрипел я в ответ, нашарив в складках лохмотьев камень, который, должно быть, и шмякнул меня по голове. Смотрю и не пойму — черный булыжник в ржавой оправе. Откуда он у меня?

Ах, да — это же рубин Хуанито. А чего почернел, интересно? Из-за местности, в которой я оказался? Помню, Люминозо что-то кричал мне. «Используй с умом», кажется так.

Вы смотрите, какой заботливый! Я сейчас расплачусь! Засадил меня в тело полудохлого раба, подлец. Ничего, ничего, Аркадио тоже не лыком шит. Я принял вызов, слышь ты, сукин сын? Я до тебя еще доберусь!

— Берись за весло, Пабло, хорош, а то и мне прилетит, —

ныл сосед. — И так вся спина исполосована.

— Не стоит так отчаиваться, — сказал я, хватаясь за чертово весло. — И меня зовут не... как там?

— Пабло, а то как же?

— А ты кто?

— Умом повредился, что ль? Мы с тобой уже второй год на весле. Я — Гольпэ, Хлоп, ежели проще.

— Может и повредился. Запомни, Гольпэ-Хлоп, я не Пабло. Я — Аркадио, понял меня?

— Аркадио?

— Не дыши на меня, от тебя воняет, как от нужника! И нечего пихать меня! Где твое уважение, *hombre*? Если ты забыл, несчастный, так я напому тебе, что ты имеешь честь разговаривать с самым доном Аркадио, славным идальго, кавалером семи ветров, баловнем фортуны! Прошу отнестись с подобающим именитому дворянину почтением.

У Хлопа на лице отобразилось небывалое изумление. Так, должно быть, смотрят на безумца, спятившего окончательно и бесповоротно. Хм... наверное, нужно было представиться попроще. Однако, куда ж проще-то? Всего-лишь идальго, даже не гранд, кем я, собственно, и являюсь, или, на худой конец, герцог.

«Ты — дурак, Аркадио, — закралась язвительная мысль. — Идальго? О нет, ты — заклеяменное ничто, эсклаво. Вот и живи с этим».

— Ну хорошо, как скажешь, Аркадио, — сказал Хлоп. —

Не, ты точно умом повредился...

Скрип половиц отвлек нас от беседы. Подняв голову, я увидел заляпанные грязью сапоги.

— Отставить разговорчики, каналы! — рявкнул надсмотрщик. — Навалились!

Едва успел нагнуться, чтобы по лицу не попало. Плеть огнем прошлась по нашим спинам. Я стиснул зубы в бессильной ярости.

— Как зовут этого мерзавца, надсмотрщика? — спросил я товарища по несчастью.

— Нет, ты точно спятил. Что с тобой?

— Ответь на вопрос, пожалуйста.

— Рожа, иначе не зовут.

— Ну, ты — покойник, Рожа, — прошептал я, стиснув рукоять весла.

Глава 3. О дрянном городишко, весьма дрянном

Чем ближе порт, тем сильнее бесновался надсмотрщик. В прямом смысле — орал, грозился, брызгал слюнями. Но кнут не злоупотреблял, и на том спасибо. Подозреваю, чтобы гребцов не укокошить раньше времени. Эсклаво — ценный товар, пороть надо с умом, угадал?

Одного взгляда на Рожу хватило, чтобы понять — природа обделила этого господина умом. Остались только мерзкая харя и прескверный характер. Я возненавидел его всеми фибрами души. Но на судне как минимум еще четверо таких же. Кнут, сабля и осознание безграничной власти — что еще надо для счастья?

Я откровенно приуныл. Тело, в котором я оказался, крайне истощилось. Оно живо только благодаря моей крепкой божественной воле. Естественно, о магии в такой ситуации помышлять нельзя — сил не хватит даже на самый пустяковый фокус. Да что там магия! Двинуть кому-нибудь по носу и то проблема. Единственный выход — дожидаться, когда галера бросит якорь. В порту посмотрим, что-нибудь придумаем.

А пока...

— Время обеда, псы! — объявил Рожа.

И что же на обед? Половник жидкой безвкусной каши, в

которой изредка попадают варенные жучки, вошь и прочие паразиты, да кружка воды с куском черствого хлеба. Причем хлеб зачерствел практически до окаменелого состояния.

— Замочи его в кружке, — посоветовал Гольпэ-Хлоп, глядя, как я с унылым видом постучал куском по веслу.

— Мне кажется, не поможет. Это лакомство уже ничто не спасет.

— Если не будешь, отдай мне.

— Нет, приберегу пока, — сказал я, сунув хлеб за пазуху.

Сгодится в качестве примитивного оружия. Бац в рожу тому же надсмотрщику, лучше всего кромкой по виску — мало не покажется. А пока что... каша. Каша сия как бы символизировала, что я пал на самое дно. В прямом и переносном смысле. Так и хотелось воскликнуть: «Как же так, о родитель мой? Что это — хитрая уловка, позволившая сослать меня подальше и надолго? Но почему? Чем я стал неуютен тебе? Иль это испытание?»

Нет, всё это слабость, недостойная такого прожженного плута, каковым я, надеюсь, являюсь. Никакого плача, прочь! Раз уж так получилось, надо не скулить, а стараться выжить. Первым делом подкрепиться. Хоть каплю жизненной энергии восполнить. Выловив и выкинув живность, преодолевая отвращение, я проглотил обед. Не скажу, что противно, скорее безвкусно. Точно вату жуешь.

Прихлебывая водичку, осмотрелся. Уже рассвело, если

это можно назвать рассветом. Небо здесь — непроницаемая свинцовая пелена. Вечный полумрак.

Вскоре показался и сам город. Ну что сказать? Черные и убогие трущобы, из которых там и сям выглядывали громоздкие мрачноватого вида строения непонятного назначения, да поросшие диковатым лесом скалы. Первая мысль, пришедшая в голову, глядя на эти строения, — тюрьмы, наподобие тех, что зовутся в бесчисленных энкомьендах первого las Torres de la Agonía — башнями, где осужденные медленно предаются смерти. А может, это храмы в честь того, кто сюда меня спихнул? Или владения колдунов скверны? Если честно, невелика разница.

В центре острова, на холме, возвышался не менее мрачный замок, более всего напоминающий средоточие религиозного культа. Уже то, как он выглядел, вызвало недоумение — в первый раз увидел столь странную архитектуру — и... страх. О да, холодком меня определенно обдало, хоть я точно не из боязливых.

«Мне однозначно туда», — подумал я, пожившись — то ли действительно от замка веяло неким инфернальным злом, то ли просто холодно. Гнетущая атмосфера тут, очень гнетущая.

Между тем время шло, а мы знай себе тянули весло, уныло скрипели уключины, сонно плескалась вода за бортом, буднично матерился надсмотрщик, позвякивала связка ключей на его ремне.

— Что будет, когда судно встанет на якорь? — поинтересовался я у соседа.

— Как что? Разгрузимся и в подземку. На цепь. До новой ходки.

— Что за подземка?

— Дом родной.

— Темница что ли?

— Ага, карсель. Слушай, ты чудные вопросы задаешь, Пабло.

— Я не Пабло, сколько можно говорить?

— Если честно, забыл, как там тебя по-новому...

— Дон Аркадио. Ладно, можно просто Аркадио. Забудь, я не дон. Я пошутил.

Надо вживаться в роль. Побуду простым эсклаво, ничего.

— Ага, Аркадио. Всё, запомнил.

— Так что за груз, омбрэ?

Хлоп выразительно посмотрел на меня.

— Ты всегда называл меня «доном Муэло», — обиженно прогудел Гольпэ-Хлоп. — Якобы я перемалываю сухари, будто у меня не рот, а мельничный жернов, но сейчас я вдруг стал «приятелем»? Не узнаю тебя, Пабло.

— Аркадио, омбрэ, не забывай.

— Не узнаю тебя, Аркадио.

Оказывается Паблито был изрядным шутником! Не знаю, как этот факт мне поможет, но на душе стало еще тягостей — хоть и не по своей воле, но прикончил-таки неплохого пар-

нишку, до последнего сохранявшего бодрость духа, вопреки умирающей плоти.

— Если тебя это задевало, прошу прощения, — сказал я, обратив внимание на его лицо — такой челюстью, как у него, и правда можно кирпичи крошить, не то, что сухари. — А теперь ответь, пожалуйста, на мой вопрос.

— Как обычно — уголь везем, зерно, муку. Отдельно — ящики в палаццо Инквизиции. Что в них — не знаю. Скорее всего монеты — дублоны, эскудо, дукаты. Или колдовские штуки, кто его знает.

Ничего нового, и здесь имеется свой Tribunal del Santo Oficio! Дурной пример (поданный моим дражайшим папашей, кем же еще!), заразителен.

И вот, наконец, порт. Сушим весла. Есть полчаса передышки, пока владельцы судна решат все вопросы.

Что же делать, что же делать?.. Положение близко к безвыходному. Позарез нужно найти лазейку, иначе... а иначе — смерть. Что будет дальше, боюсь предположить. Воскресну в новом теле? Если это наказание — а это как пить дать наказание — эдак можно возрождаться и умирать до бесконечности. Не пойдет.

Пока размышлял, отстранено поигрывал рубином кузена Хуана. Бывшим рубином — ныне это обычный камень. Гольпэ заметил и дал совет:

— Убери, либо выкинь.

— Это еще почему?

— Увидят — сочтут, что ты готовишься к побегу или бунту.

— Камень — это что, оружие?

— Так они подумают, точно говорю.

— Вот оно как?

— Прошу, не дури, Паб... короче, не шути ты, Аркадио. А то и мне достанется. Не хочется потом на дыбе висеть. Я сыт по горло твоими проказами, Паб... э, Аркадио. Не забывай, по твоей вине я уже не раз отхватывал почем зря...

Не просто шутник, Паблито был озорником. Завидный оптимизм проявлял в самых суровых условиях. Однозначно, мой дух должен достойно унаследовать дарованное тело.

— Ладно, как скажешь, — пожал я плечами.

— И вообще, что-то ты мне не нравишься.

— Я себе тоже не нравлюсь, Гольпэ-Хлоп, или, если тебе так привычней, дон Муэло. Значит, говоришь, это у нас оружие...

Стоп, а ведь Гольпэ прав! Артефакт кузена Хуана — реальное оружие. Магическое, что самое главное. Ну-ка, проверю, есть в нем что? Ага! Искорка имеется — теплится, в ладони привычно закололо. Не знаю, отчего почернел, может тут аура такая, действует на обычную священную магию необычным образом. Плевать, если честно. Надо попробовать. Чего там Люминозо напоследок крикнул о нем? «Пользуйся с умом?» С умом — это как? Понятия не имею — Хуанито был необычным богом. Книги читал, в библиотеках

так и пропадал. Идеалист до мозга костей — всем надоедал со своими проповедями о любви, братстве и равенстве, о сочувствии к неимущим и так далее и тому подобное.

Следовательно, и артефакт вряд ли одарит меня призрачным мечом. Одно знаю точно — это магический предмет из разряда «señuelo» — кинул в намеченную жертву, разогрел эфирной искрой и наслаждаешься эффектом.

Выхода нет — надо пытаться. Подожду, пока судно покинет команда. Рожа так и так остается — он несет ответственность за нас, гребцов.

И вот, момент наступил — команда ушла, остались только гребцы и наш истязатель. Вы гляньте на него, гада — прохаживается туда-сюда с важным видом, посасывает вино из бурдюка, похлопывая кнутовищем по сапогу. Ну погоди, сейчас тебе будет сюрприз!

— Сеньор! — сказал я, как только он поравнялся со мной.
— У меня для вас подарок. Ловите!

Артефакт упал у его ног.

— Что это? — озадачено спросил он, поднимая камень в ржавой оправе.

Вместо ответа я прошептал заклинание. Трудно, учитывая мое состояние, но я справился, хоть и глазах помутилось. Чуть в обморок не упал.

И тут началось! Отдаю должное кузену Хуану — он был великим выдумщиком. Истинный бог справедливости и возмездия. Мое почтение! Рожа изменился в лице, упал на ко-

лени и начал... плакать. О нет, не плакать — бедняга принялся реветь в три ручья. Я сначала опешил — да что там, мы все пришли в изумление! — но поняв, что за штуку создал мой славный кузен, решил усугубить:

— Как тебе не стыдно издеваться над близкими своими, омбрэ? — сказал я.

— О боги милостивые! — воздел надсмотрщик руки небу. — Я грешен! Мне нет прощенья! Я издевался над близкими своими!

— Как ты мог поднять руку на собратьев, как ты мог оскорблять и поносить нас, обделять куском хлеба, бить, проклинать?

— О я несчастный! Мне нет прощенья! Я готов покарать себя за все злодеяния, что совершил!

Слезы так и лились, аж раскраснелся, родимый.

— Нет, нет! — сказал я. — Покарать себя успеешь, сначала помоги нам освободиться. Выпусти на волю братьев — это твой священный долг, угодный нашим «милостивым богам»! А там, глядишь, они хоть немного смягчат твою участь! — (Что касается меня, как бога, буду категоричен — однозначно нет, не смягчу ни за что. Да сгорит душа этого изверга в геенне огненной!) — Пора начать творить добро! Скинь с нас цепи, омбрэ! Это первый шаг к спасению твоей грешной души! А после сего богоугодного дела закрепи это самой горячей молитвой, какую знаешь, подкрепив сие сорокадневным воздержанием в пище и грехе, и тогда, может

быть, благодать снизойдет к тебе!

— Да-да, конечно! Я буду усердно молиться, буду поститься так ревностно, что самый аскетичный монах позавидует! И, конечно же, даже не взгляну ни на одну девицу, сколь бы прекрасна она ни была!

— Великолепно, — сказал я. — А теперь отомкни наши запоры! И побыстрее, омбрэ!

— Я сейчас, вот ключи, сейчас! Я освобожу вас, братья, один миг!

Не прошло и пяти минут, как невольники сбросили с себя ненавистные цепи. Но, как бы ни каялся Рожа, мужики его доброты не оценили. Началось избиение бедняги. Полагаю, если ему и суждено будет воздерживаться от пищи и греха, то разве что в аду.

Не люблю лишнего кровопролития, уже говорил об этом. Но Рожу мне нисколько не жаль.

Вот и шанс. Почувствовав свободу, заключенные начали лютовать вовсю. Вломились в кают-компанию, завладели всем имеющимся оружием. Вместе с ними там побывал и я, прежде незаметно вернув артефакт кузена Хуана, а заодно и экспроприировав у Рожи кинжал. Также в толчее и суматохе мне удалось завладеть небольшим симпатичным пистолетом. По опыту знаю — увлекаться и набивать карманы драгоценностями и прочей шелухой не стоит. Разве что немного, только на пропитание и новое обмундирование. Разжившись всем необходимым, сунул за пояс огнестрел и скрылся

в тени.

Пока остальные азартно грабили судно, подросла городская стража во главе с альгвасилом, тут же приказавшим бунтовщикам сдаваться ради быстрой и милосердной смерти в будущем — им, дескать, отрубят головы вместо пыток, четвертования, колесования и прочих прелестей, кои, обычно, практикуются там, где присутствует Инквизиция. Бунтовщики в ответ в самых цветастых выражениях послали альгвасила и его «крючков» по известному адресу. Немедленно заработали ружья — первые выстрелы потревожили гнетущую тишину. Невольники не растерялись — подняли сходни и якорь, обрубил швартовы. Глупцы. В порту военных кораблей, как паразитов в невольничьей баланде. Зуб даю — они покойники. Но может, смерть в бою им милее «милосердного обезглавливания»? Ни тот, ни другой вариант мне не подходят, поэтому я спрыгнул.

Отчаянный поступок. И вода ледяная. Как бы не утонуть. Не стоит тянуть удачу за хвост, заберусь-ка в первую попавшуюся лодку.

К счастью, мимо проплывала рыбацкая плоскодонка. Хозяин — паренек в плаще с капюшоном, просто решил убраться от греха подальше. А то в порту ведь разгорелся настоящий бой с пушечными выстрелами, проклятиями, предсмертными криками. Ничего себе заварушка!

То, что нужно. Забравшись на лодку, взял зазевавшегося рыбака в захват. Простой удушающий прием — и парень

готов. В смысле, лишился сознания. Пусть полежит, пока я отгребу подальше с глаз долой. Где-нибудь пришвартуюсь и растворюсь среди грязных темных улочек Конгохас. Заодно и переоденусь.

Скинул лохмотья, кишевшие паразитами, в море. Резиновые сапоги рыбака, грубые штаны, рубаша из дешевого, но крепкого сукна, непромокаемый плащ, сумка — то, что нужно. Не забыть повязать лицо, чтобы скрыть эстигму, да капюшон пониже надвинуть, иначе мне далеко не уйти.

— Ну извини, так получилось, — сказал я бесчувственному рыбаку, накрыв его одеялом, которым он устилал скамейку. — Надеюсь, ты не замерзнешь.

В лодке есть рыба. Отлично, хоть что-то. Но сырой есть не буду, найду, где приготовить.

* * *

Оставив беднягу на пустынном берегу, я решил причалить к наиболее убогому району из всех имеющихся поблизости. Лачуги, грязь, беднота — в теории, лучше места для эсклаво, на чьем челе выжжена клятая литера S, иначе — эстигма, не найти.

Не успел я сойти на берег, как меня обступила детвора и принялась настойчиво просить милостыню. Я бы сказал, очень настойчиво — вцепились в плащ, протянули худые ручонки. Видимо, народ тут настолько обнищал, что даже простой рыбак им показался богачом. Пришлось поделиться уловом. Не жалко, всё равно не мое.

Оставив себе несколько рыбин пожирнее, осмотрелся. Вокруг куча голодранцев. И стар и млад. Напряженно разглядывали меня, перешептываясь — или ждали, или еще чего хотели, о чем и подумать страшно. Мурашки по коже. Да, звучит отчасти нелепо — бог, и вдруг устранился немытой толпы оборванцев. Но вы бы как себя чувствовали, пребывая в теле едва живого дохляка, которого в прямом смысле от ветра шатало? И потом, в последний раз я бывал в таких местах невесть сколько времени назад, когда был обычным смертным, притом такой же мелочью, как и настойчиво тербившая мой плащ ребятня.

Растерял необходимые навыки за годы беззаботной бесмертной жизни. Эх, растерял! «Вы все здесь чистенькие», — обвиняла нас Беллона. Не хочется признавать, но она была права.

Только один старик был занят делом — жарил на противне над костром пару тощих рыбёх. Уселся на пенек у самой кромки воды с довольным видом.

— Добрый человек! — обратился я к нему. — Не разрешите ли бедному путнику присоединиться к вашему огоньку? Я поделюсь уловом!

— А, чего?

— Я спрашиваю, можно за вашим костром ужин себе приготовить?

Старик почесал голову и махнул рукой. Непонятно, что значил сей жест, но голод не тетка, поэтому я пристроился

рядом, разложил на противне свои рыбины. Не прошло и минуты, как пускающая сопли и слюни малышня окружила нас плотным кольцом. Однако это не понравилось старику:

— Пшли! — пронзительно заорал он, вскочив. — Пшли! Э? Пшли!

А потом схватил палку и давай ею размахивать. Чуть мне по голове не попал — едва успел пригнуться. Но и детки оказались не лыком шиты — ответили на агрессию градом камней. От палки я уберегся, а вот камня отхватил — по затылку, по спине. В общем, толком не поел, но переполох поднял и тут.

— Карахо! — плюнул я с досады и счел за благо поскорее убраться отсюда. Уж больно дикий народ здесь, толком и говорить не умеют, зато свирепеют на раз-два.

Практика показала, что в трущобах, подобным этим, с успехом можно совершить одно деяние — отдать концы.

Так и бродил я, неприкаянный, грустный, хоть и с пистолетом, кинжалом, артефактом в сумке (и черствым куском хлеба за пазухой!), но голодный и ослабевший. Сочтя, что в трущобах ловить совершенно нечего, кроме сомнительных приключений — всякого подозрительного сброда тут хоть отбавляй — я решил поискать счастья в более «респектабельном» местечке. Если тут таковые имеются.

Долго искать не пришлось — дошел до квартала с тавернами и борделями, лавками старьевщиков, кожевенников, медников и прочими заведениями. Конечно, тут в разы опас-

нее — бандиты, жулики, воры и вездесущая стража так и кишат.

Причем стража не стеснялась пускать в ход силу — секли за малейшее прегрешение, особо отличившихся тащили куда-то (не на галеры, нет?), или вообще вешали — три свежих мертвеца уже болтались по соседству с мумифицировавшимися от времени преступниками.

М-да...

Рассудив, что лучший способ уберечься от неприятностей — затаиться в тени, я так и сделал. Уселся в неприметном месте, принялся наблюдать. Дождусь ночи и пошурю в домах. Да, риск, учитывая мое состояние, но с другой стороны — воскреснув, буду умнее.

Вскоре мой нюх уловил соблазнительные запахи копченостей. Вижу — мясная лавка и загончик с поросятами в безлюдном тупичке. Примитивный двухэтажный дом. На мое счастье, мясник — лысый толстый детина в обляпанном кровью фартуке и устрашающим тесаком за поясом — ушел куда-то, заперев за собой дверь.

Так-так, дома никого... Это шанс, а то я так ноги протяну с голодухи. Перемахнул через загородку, двинулся напрямик, прямо через загон.

Свиньи с увлечением что-то жрали. Присмотрелся и обомлел — в грязище лежали куски чьей-то плоти. Мне даже привиделись отрубленные человечесьи руки и ноги. Увязая в густой жиже, я поспешил покинуть общество этих милых

животных, которых мы так любим употреблять в пищу.

Мы едим их, они — нас. В некотором смысле — честный обмен.

«Погоди-ка, милейший Аркадио! Что-то тебя нехорошие мысли одолевают! Где свойственная тебе ирония, где неиссякаемый оптимизм, где отвага, присущая исследователю, где проницательность мудрого и всё видящего авантюриста?» — возмутился прежний бог хитрости и коварства.

«Ха! Ты в заднице, дон Аркадио, кабальеро де фортуна! Причем в глубокой. Посмотри на себя — стоишь, с выражением безмерного страдания счищая с украденных сапог нечистоты, кровь и кишки. Безграничная хандра и черный юмор — вот твой удел. Помнишь, как сказал Люкс Деус, твой новый повелитель? Мрак, уныние и несчастные во скорбях. И черствый несъедобный хлеб на закуску. Вот и первый пример — свиарник, где порося глодают людские потроха. Но тебя это не смущает, ты вообще предпочитаешь не задумываться об этом, ибо ты так голоден, что осознание всего того ужаса, ныне окружившего тебя, не способно пробиться сквозь зов отчаянно умоляющей о спасении плоти».

Так думает нынешний... бог дураков. Богу дураков не сопутствует удача. Это, скорее, удел хитреца. Богу дураков сопутствуют горести.

— Это мы еще посмотрим, — сказал я, прислушиваясь и просматривая дом *oculus magicus*, «магическим зрением». Плохо получилось, сказывается состояние, но в доме точно

никого нет. Подвал, довольно-таки обширный; первый этаж — лавка; спальные помещения на втором; чердак.

Локтем разбив стекло, влез в дом. Эх, давненько я этим не занимался, давненько! Надо прокачивать навык. В доме темно, хоть глаза выколи. А зажигать свет опасно. Ничего, подожду. Постепенно привык к сумраку, и вот, я уже кое-что разглядел. Лавка как лавка, ничего особенно. Колбасы, окорока, вырезки. Кувшинчик с вином. Подкреплюсь-ка колбаской. Сказано — сделано: стянул с лица повязку, и откусил побольше. Ох! — пища богов! Честно признаюсь: обожаю колбасу, копчености, сальце. С томатным соусом, горошком и свежей лепешкой — смак! А если потушить это в печи да с овощами! О-о! Вот от горшочка ольи подриды я бы точно не отказался.

Итак, легкий перекус свершился, я почувствовал прилив сил и решил... осмотреть подвал. Совет начинающим вора — идете на дело, не увлекайтесь! Это же избитая истина, черт возьми! Любопытство и жадность я бы записал в перечень первейших смертельных грехов.

Как вы уже догадались, туда я и полез. Решив, что с улицы не заметят, разжег лампу, стоявшую тут же, на поставце. На двери засов и примитивный висячий замок, который легко вскрыть гвоздем — нужная вещь отыскалась на стеллаже с инструментами, больше похожими на пыточные. Тут же висит фартук, перчатки до локтей, маска, похожая на мешок с прорезями для глаз.

Топор воткнут в окровавленный пенек. Массивный двуручник прислонен к стене.

Это точно мясник? Даже любопытно стало.

Открыл и ужаснулся — подвал битком набит мертвецами. Куски тел вперемишку с говяжьими и свиными тушами развешены на крюках. Это что такое?

«Как что? — усмехнулся бог дураков. — Это, мой друг, Скорбь во всей своей красе!»

«Не узнаю тебя, — сказал бог хитрости и коварства. — Нет, не узнаю. Я в печали, как сказал бы отец».

Надо было догадаться — безлюдный тупик, угрюмый неказистый дом, свиньи, поедавшие трупы... Это же жилище палача! Нет, ну что за я придурок? Понимаю, ослаб, оголодал, но думать-то надо? Эх, Аркадио, Аркадио...

Ладно, не всё еще потеряно. Скорей бежать! Мне нет дела до того, что здесь творится. Прихватчу съестное и буду таков.

Уже поднимаясь по лестнице, я услышал, как хлопнула дверь. Кто-то кашлянул, высморкался, смачно харкнул, выпил воды, пополоскал горло. Проклятье! Палач вернулся! К своему стыду, признаюсь, что меня охватила паника. Во время которой я сшиб ведро с водой в углу.

Или не с водой — не суть важно.

Глава 4. Пища для демонов настоящих и воображаемых

Не успел я и пикнуть, как палач с завидной для такого толстяка прытью ворвался в подвал, взглянул на меня, как бык на красную тряпку, изрыгнул из своей пасти что-то отдаленно напоминавшее ругань, и не тратя времени на расспросы — кто я такой, зачем тут, да почему — обрушил на меня свой тесак.

Тут богу коварства, а вернее богу дураков, и наступил бы прискорбный конец, если бы не ведро с помоями. Данный бесхитростный предмет помешал не только мне, но и хозяину. Упасть заплечных дел мастер не упал, но промахнулся. Страх подстегнул меня, слабость испарилась как не бывало.

И понеслось — палач размахивал тесаком, выбивая штукатурку из стен и круша полки, я вертелся юлой, пытаюсь улизнуть наверх и смыться из злополучного дома. Бодаться с этой тушей с моей-то формой нет смысла, меня и ребенок сможет запинать, поэтому я отбивался подручными средствами, проще говоря, швырял в палача всё, что ни попадя — клещи, щипцы, ножи, молотки. Вреда толстокожему не нанес, один фартук чего стоит — скроен из лоскутков кожи толщиной чуть ли не с палец.

Интересно, много ли бедняг пошло на пошив этого жут-

кого предмета?

В какой-то момент удалось вырваться, но увы — я поскользнулся на ступеньках. Палач схватил меня за ногу. Как я ни отпихивался, не помогло — словно в клещи попал. Злодей торжествовал — плотоядная ухмылка была тому свидетельством. Подтянул к себе, ухитрился несмотря на то, что я брыкался, как припадочный, пнуть меня по заднице, после чего ударил кулаком в живот. Всё это заплечных дел мастер проделал молча, напряженно сопя и фыркая. У меня создалось впечатление, что это вовсе не человек, а нечто похожее — безмозглое чудище в обличье двуногого. Вроде приснопамятного эль Торо.

Ох, ну и боль! Каким-то чудом я удержался в сознании. Свернулся клубочком, схватившись за живот и бессильно раскрывая рот, как рыба на суше. Решив, что вор никуда не денется, мучитель привычным движением сунул тесак за ремень, обыскал меня, обезоружил и вознамерился побольнее припечатать.

Как бы ни было мне плохо, жажда жить спасла и на этот раз: в последний момент я заметил несущуюся на меня пушку, увернулся — кулачище угодило в ступеньку. Мощный удар, ничего не скажешь — половица треснула. Боюсь даже представить, что случилось бы с моим божественным ликом, если посланец угодил по адресу.

Но и злодею не поздоровилось, ибо такой удар не мог обойтись без последствий — палачу сделалось больно, он

застонал, встряхнул клешней. Лапа висела в миллиметре от моего лица, поэтому я, недолго думая... укусил его. Понимаю, поступок недостойный небожителя, но, как говорится, хочешь жить, умей вертеться. Так что я без зазрения совести вцепился зубами в мясистый палец и что есть силы сжал челюсть.

Раздался такой рев, аналогов которому трудно найти. Палач схватил меня за шкурку и с размаху кинул в подвал. Я пролетел добрый десяток шагов, посшибал по пути тушки с телами и в конечном счете ударился в противоположную стену. Хорошо хоть головой не стукнулся — у стены стояли мешки с чем-то мягким, подозреваю с потрохами и внутренностями. Тем не менее, сил продолжать сопротивление у меня почти не осталось. Поэтому я с отчаянием наблюдал, как палач подошел, вынул треклятый тесак, поднял меня за ворот плаща, будто нашкодившего кота.

— Ну давай, хряк, прикончи уже, — сказал я, обессиленно мотая головой. — Ты победил, признаю.

— Я отдам твою гнилую плоть поросям, кукарача, а из твоей кожи сделаю себе ремень, — сказал палач, дыхнув мне в лицо гнилью и демонстративно проведя лезвием по моей щеке. Оцарапал чуток, каналья.

А оно умеет говорить, оказывается.

— У тебя изо рта несет могилой, омбрэ, — сказал я, отворачиваясь. Правая как-то сама собой нащупала за пазухой позабытый сухарь.

— Воняет? — спросил палач. — Ты сказал, воняет?

— Да, я так и сказал. Ты глухой что ли?

Последовавшая реакция удивила.

— А-ха-ха-ха! — оглушительно заржал палач, забрызгав мне лицо премерзкими слюнями.

— На, перекуси пока, мразь! — сказал я и затолкнул ему в глотку злосчастный кусок черствого хлеба.

Ничего лучше не придумал, ибо почти смирился. Даже мелькнула мысль, подброшенная, видимо, моей меланхолической стороной, которую и олицетворял бог дураков: «по всему заметно, что этот парень мастер своего дела — хороший выйдет ремень, крепкий. Хоть какая-то польза от мешка с костями, что еще зовется доном Аркадио». Вот так, друзья. Какой вред я мог ему нанести? Да и чем наносить? Куском хлеба, хоть и окаменевшим до совершенно несъедобного состояния?

А вот поглядите-ка! Пасть у мучителя здоровая, места много. Если бы не скудное освещение, во всех подробностях разглядел бы его гланды, язык и сгнившие зубы. Поэтому кусок засел так глубоко, насколько это возможно.

— Акх!.. — поперхнулся палач, выпуская меня. — Акх!..

Иногда на помощь приходят самые неожиданные предметы. Воистину, кусок оказался несъедобным. Превосходно! Добить его, скорее добить! Схватил фонарь, нашел свои вещи, вернулся.

Заплечных дел мастер стоял на коленях, держался за гор-

ло. Глаза выкатил, побагровел страшно, на висках вздулись жилы. Он умоляюще протянул руку.

— Ладно, омбрэ, ничего личного, — сказал я, приставляя к его лбу пистолет.

* * *

Надеюсь, выстрел снаружи никто не услышал. Теперь можно спокойно обыскать жилище. Набить сумку съестным, прихватить воды или вина. Также стоит поискать целебные травы, отвары, зелья, мази, если есть — слыхал, палачи славятся как отменные лекари.

Если усилить средство подходящим заклинанием, можно много чего добиться. Причем в кратчайшие сроки. Даже свети на нет проклятую эстигму, с которой я далеко не уйду — клейменного видно за версту.

Так и есть — на одной из полок отыскались микстуры, мази, пучки сушеных трав.

— Надо же, — сказал я, осветив кучу запыленных плотно запечатанных бутылочек, — с виду монстр, однако ничто человеческое ему не чуждо. И как это сочеталось с людоедством? Или он готовил тела для каких-нибудь нечестивых обрядов? Тут наверняка чтут Ересиарха. Скорей всего так и есть, иначе он не держал бы поросят, которым наверняка скармливает остатки, не нашедшие применения в шабашах.

Так, посмотрим внимательней. Как и ожидал, тут лекарства в основном от ран, ожогов и всякого такого. Сойдет. Но есть и от несварения желудка, от разнообразных лихорадок,

даже для прерывания беременности и восстановления девственности. Это добро мне ни к чему, и так всего набралось сверх меры. Подумав, также взял мыло, полотенце, металлическую кружку и ножницы. Прихватив ломоть хлеба, полкруга сыра, бутылъ с вином и свиной окорок весьма, стоит отметить, внушающих размеров, прибавив к своему арсеналу еще и мясницкий нож, вышел.

У калитки нерешительно переминался с ноги на ногу какой-то мужичок. Уже стемнело (а на этой улочке нет ни одного фонаря), я и не заметил его. Щуплый старичок, опираясь о клюку.

— Добрейший кабальеро! — сказал он. — Добрейший кабальеро, постойте, прошу вас!

Я вздрогнул, обернулся. Встал боком, чтобы подозрительно оттопырившуюся сумку не было видно, а также эстигму. Старичок, подслеповато щурясь, поинтересовался:

— Хозяин дома?

— Дома, только он уже никого не принимает. Идите домой, уважаемый, завтра приходите. Он со мной умаялся, устал.

— Надо же! И какая же у вас хворь, если не секрет?

— Секрет. Чего это я должен откровенничать с первым встречным, не в обиду вам это будет сказано? Секрет. Одно скажу — случай сложный и до выздоровления, увы, далеко. Так что идите домой, пожалуйста.

— Не, я гляну.

— Сказал же — не надо тревожить хозяина.

— Так мы же с ним условились! Он должен был мне микsturку изготовить! Готова, поди, уже. Дочка хворает, знали бы вы как хворает!

— Еще раз повторяю — хозяин устал и прилег отдохнуть.

— Обычно хозяин сидит допоздна. Он сам сказал: дескать, приходи поздним вечером.

Вот же приставучий попался!

— Ты не понимаешь? — теряя терпение, сказал я. — Нажрался твой лекарь, нажрался! Напился пьяный! Лежит, храпит. Дошло?

— Напился? А чего это вдруг?

— С горя. Узнал, что серьезно болен.

— Это чем же?

— Чахоткой.

— Чахоткой? Не похож он на чахоточного — вон же здоровенный какой!

— По-твоему чахотка только к тощим и пристаёт? Эх ты, простота! У него особенная чахотка, с кровавым кашлем.

— Точно, он же кашлял!

— Вот видишь! Всё, мне некогда с тобой болтать. Я пошел.

Нечего светиться. Уже сворачивая за угол, посмотрел, что там делает старик.

— Не, — сказал он, почесав затылок. — Всё же зайду. Обещал ведь...

Проклятие! По-хорошему надо было избавиться от лишнего свидетеля, но плодить мертвецов не в моих правилах. Тем более что словосочетание «бог коварства» не равняется титулу «повелитель злодейств и напрасных смертей». Хотя многие думают иначе. Я всегда следовал принципу — минимум убийств, объегоривать только тех, кто этого заслужил. Возникает вопрос: а палач заслужил ли такую судьбу? Уверен, что да. Он не только казнил, но и торговал смертью. И целительством такой грех не замолить.

Итак, что дальше? Надо найти укрытие, отоспаться, набраться сил, подлечиться, состричь патлы и бороду, избавиться от отметины. А только потом знакомиться с миром и пытаться чего-то добиться. Полуживой эсклаво должен исчезнуть раз и навсегда.

Вот только куда идти-то? Остров, на котором стоит город, густо заселен. По идее, требуется уединение, сгодится пещера или еще что-то такое. Точно, пещера! Надо идти к берегу, там должны быть необжитые места, скалы, нелюдимые чащобы. По пути за мной увязался песик — обычная дворняга. Не знаю, что зверь во мне нашел, но не отставал, глядя на меня жалобными глазами и поскуливая.

— Проголодался, дружок? — сказал я. — Понимаю, я тоже.

За целый день мне перепала пара ложек тюремной баланды, полоска полусырой рыбы, да кусочек колбасы. Негусто. Сколько бы я ни бродил, к берегу так и не сумел выйти.

Скажу больше — я кружился вокруг одного и того же района. Вот опять вышел к площади, на которой побывал ранее. Тут уже поднялась суматоха — приставучий дед обнаружил труп палача.

— Я видел убийцу, — кричал он. — Своими глазами видел — парень в плаще, бородатый вроде, худой, на каторжника похож. Хотя, темно было, не разглядеть толком. Но вот на что обратил внимание — сумяка у него была на плече. Большая! Вор, как есть вор — залез и убил уважаемого человека.

Стража внимательно выслушала его, затем алыгвасил со скучающим видом кивнул на деда, и добры молодцы силком куда-то потащили недоумевающего старика.

— Не делай добра, не получишь зла, — тихо сказал я. — Следовало бы тебе помалкивать, болезный...

Спустя полчаса блужданий, во время которых я благоразумно сторонился людей, вышел-таки к морю. Приободрившись, поправил сумку и потопал вдоль берега. Луна и редкие уличные фонари освещали мой путь. Вот вдалеке пустынный берег, а там скалы. То, что надо! Спрячусь, поем. Уже слюнки потекли в предвкушении вкусного ужина.

Но не тут-то было, друзья.

— Эй, бродяга, стоять! — услышал я грозный оклик.

Да что же это такое! Опять всё та же ошибка: увлекся, потерял бдительность и нарвался на тех, кого всюду иронично, если не сказать больше, кличут «крючками» — то бишь на

самую что ни на есть презренную категорию служилых, чья роль сводится к одному: цепляться к честным гражданам, хватать их и тащить в места не столь отдаленные. Трое рослых мужиков, трое досужих стражей порядка, двое с пиками, один — одетый поприличнее — с аркебузой, сидели и пили пиво на лавке у ярко освещенного сруба. Судя по доносящимся изнутри звукам расстроенных до невозможности скрипки с гитарой и пьяным выкрикам — то была обычная пивная.

Сидели наши хранители правопорядка, значит, выпивали, а тут глядь — вдоль берега крадется вороватого вида тип, скрывающий лицо повязкой, и тащит что-то. Ну как на такое не среагировать!

«Ты, мой друг, типичный представитель местного населения, — заговорил во мне голос бога дураков. — Безмозглый прожигатель жизни, животное, жаждущее только одного — добраться до едова, пожрать и забиться в угол. Такие, как правило, кончают плохо».

«Видимо, права была Беллона, — сокрушался бог коварства и хитрости. — Первый дал тебе титул по недоразумению».

Знали бы вы, как я досадовал в тот момент! Даже хлопнул себя по лбу в отчаянии.

— Соберись, идиот, соберись! — прошипел я.

— Вы посмотрите на него! — услышал я первого стражника, того, что с аркебузой. — Сам с собой разговаривает.

— Опасный безумец, — раздался голос второго стражника. — В каземат, пусть сеньор инквизитор побеседует с ним. Кто его знает, что за демоны им верховодят?

— Дыба быстро развяжет ему язык, — усмехнулся третий стражник.

— Эй, ты! — обратился ко мне первый стражник, направив на меня аркебузу. — Брось-ка, что там у тебя есть и руки подними вверх! Посвети мне, эль Пинчáсо.

Спокойно, Аркадио, спокойно! Тебе предоставился шанс продемонстрировать, на что способен бог коварства. Одно-го взгляда на эти обделенные интеллектом физиономии хватило, чтобы понять, кто они есть. Классический триумvirат — тупость, суеверия, спесь. На этом и попытаемся сыграть. Положение осложнялось плохим знанием местных обычаев и ненавистной эстигмой. Придется импровизировать.

Шаг первый — рабская покорность.

— Добрые кабальеро, наконец-то! — воскликнул я, сбросив с плеча сумку и бахнувшись на колени. Для верности ткнулся лбом в гальку. — Добрые кабальеро, я надеюсь, что вы поможете мне!

Пес встал в сторонке, с интересом поглядывая на происходящее.

— Ты кто такой? — спросили стражники. — Что у тебя в сумке?

— Я вам скажу, обязательно скажу, только пообещайте выслушать меня до конца!

— Эль Пинчасо, ну-ка глянь! — приказал первый стражник.

Искомый Пинчасо, оправдывая свое идиотское прозвище, пикой потыкал сумку.

— Харчи, — заключил он.

— Так-так, — сказал первый стражник. — Ворованное? Что ж, в каземат. Эль Бичо, ну-ка свяжи ему руки.

Эль Бичо? Это намек на то, что сей господин есть тварь подколодная или же на то, что он, подобно мелкой букашке, проныра, в любую нору влезет? Посмотрим. Однако быстро же они принимают решение! С такой скоростью особо не разгуляешься. Время для шага второго — тайной тайны.

— Пойдите, о, добрые господа, пойдите! Дайте сказать, а вы уж решайте, как быть со мной! Вы же видите, я не сопротивляюсь, я со всем уважением! Я не займу много времени, уверяю вас!

— Ладно, говори, — велел первый стражник, видимо, главный у них. — У тебя минута, бродяга. Но прежденими повязку, дай взглянуть на тебя!

— Я, конечно, сниму ее, но прежде обещаю выслушать меня до конца!

— Зависит от того, что у тебя за рожа. Эль Пинчасо, ну-ка!

Я тут же смекнул, что надо их опередить и показал эстигму. Стражники так и ахнули! Пока они не оправились от изумления и не принялись окучивать беглого эсклаво пика-

ми и плетками, надо быстренько заговорить им зубы.

— Слава всевышнему, беспрестанно озаряющему нас светом чистым, слава святым и непорочным праведникам его! — воскликнул я, воздев руки небу. — Клянусь, я здесь не просто так, сеньоры! Надеждой истинной и словом чести признаюсь, что мною верховодит демон, имя которому *Tormentum Animarum*, Мучитель Душ! Горестно на душе, слезы так и наворачиваются, но что делать — негоже врать доблестным и неподкупным стражам правопорядка, коими вы, вне всякого сомнения, являетесь! Взгляните сюда, сеньоры, только посмотрите на это! — я указал на эстигму. — Не судите поспешно, ибо я уже замечаю разгорающееся в вас негодование, я чувствую, как сердца ваши начинают биться сильнее! Я был заклеямен обманом, чтобы служить нечестивому вопреки моей воле! То, что вы видите, есть пламя геенны, *sacrilegium*, метка скверны! Уверяю вас, сеньоры, я не преступник, я — *causa justa*, жертва обстоятельств! Сей дьявол, вырвавшись из пучины вечной тьмы, только и ждет, чтобы воцариться здесь, на этой святой и непорочной земле! Позвольте мне всё объяснить, дайте молвить слово, умоляю, сеньоры!

Если есть инквизиторы, значит должны быть и демоны. Стражников словечко проняло — испугались! Кроме того, я сбил их с толку — уж больно ученым языком разговаривает чертов беглый раб. Нахмурились.

— Признаюсь честно, — начал я, воодушевившись пер-

вым успехом. — То, что в сумке — ворованное! О да, ворованное — видите: я честен! Я виновен, и готов предстать перед судьями, готов понести наказание, но! Если вы сейчас меня отправите в каземат, всё пропадет!

Переглянулись.

— Нечего тут думать, эль Кóдо, — сказал второй стражник, который эль Бичо. — Ведем его в каземат. Бродяга просто пытается заговорить нам зубы.

— Верно, — согласился старшой, которого, видимо, недаром так прозвали — привык локтями расталкивать толпу. Таким образом имеем Локтя-альгвасила, и его верных прихвостней Тычка и Жука. М-да, имена у них тут прямо скажем, незамысловатые.

— А я бы послушал, — сказал эль Бичо.

— А ты у нас придурок, — безапелляционно заявил эль Кодо. — Горазд глупости всякие выслушивать.

— Но-но, ты поосторожнее! Я не посмотрю, что ты старшой!

Начались препирательства. Это хорошо.

— Вы мне не верите? — спросил я удивленно. — В ином случае я бы сказал — правильно! Но подумайте вот о чем — что если тот, кто смутив мой разум ложными посулами, вынудил меня встать на путь преступления, и кто (скажу вам по великому секрету!) виновен в еще больших бедах, нежели мой пустяковый в общем-то поступок, тот, добрые сеньоры, чья душа чернее вот этих вод, так вот, друзья, что если я

предложу вам повременить с казематом и поучаствовать в его поимке?

Задумались. Великолепно!

— Что скажет добрый сеньор инквизитор, — продолжил я, — когда до него дойдет слух о новых злодеяниях этого чудовища? Что скажет добрый сеньор инквизитор, когда узнает, что отважные рыцари эль Кодо, эль Пинчасо и эль Бичо могли, всего-то посодействовав честному гражданину, не по своей воле попавшему в узы коварного злодея, поймать чудовище и отвести его на справедливый суд? Что скажет добрый сеньор инквизитор, узнав, что вместо выполнения своих прямых обязанностей — неусыпно блюсти спокойствие граждан — вы предпочли не глядя отдать ни в чем не повинного человека в руки добрых, конечно же, следователей, но, увы, не ведающих правды? И наконец, что скажет добрый господин инквизитор, когда узнает, что во время дежурства вы сидели и выпивали?

Еще раз переглянулись. Прекрасно! Сомнения посеял, зерна страха перед вышестоящим начальством посадил.

— О каком злодеянии ты говоришь? — спросил эль Кодо. — И что еще за чудовище?

— Я о демоне, Торментум Анимарум, я же говорил!

— Какие доказательства? С виду ты самый настоящий эсклаво!

Доказательства? Пожалуйста!

— Как, вы разве не слыхали? — притворно изумился я.

— А как же бунт на галере? Шум был на весь город! Бабахало-то как! Когда такое бывало, скажите мне? Я знаю точно — то чудовище в человеческом обличье применило там темную магию, смутило умы! Да чтобы чернь взбунтовалась? Это его происки, он сам мне признался.

— Верно, случай, прямо скажем, из ряда вон, — сказал эль Пинчасо.

— Заткнись! — осадил его эль Кодо.

Ага! Старшой злится. Пришла пора третьего шага — сыграть на противоречиях.

— Вы сомневаетесь? — увлеченно продолжал я. — Тогда я поведаю вам об еще одном преступлении, совершенном демоном!

На физиономиях стражников отобразилось непонимание.

— Вы и об этом не слышали? — сказал я, постаравшись придать себе выражение крайнего ужаса. — Он убил городского палача! А почему, добрые господа? Потому-что палач тайне поклонялся темным силам! Говорят, в его подвале нашли мертвецов, заготовленных для жертвоприношений.

Если есть инквизиция, значит ритуалы с мертвецами, тем более скармливание их свиньям, под запретом. Если, конечно, здешняя инквизиция выполняет ту роль, к которой мы привыкли.

Пока всё идет по плану. Чувствую небольшой прилив сил, должно хватить, чтобы затуманить им разум, применить мое излюбленное *embujo*. Чуть-чуть подтолкну мужиков в нуж-

ном направлении — глифов, блокирующих магию, у них нет. Такие штуки встречаются в более развитых мирах.

— О чем-то таком болтали в кабаке, — робко сказал эль Бичо.

— Я тоже слышал, — подтвердил эль Пинчасо.

— Врешь ты всё, подлец! — сказал мне эль Кодо.

— Ну раз так, — ответил я ему, разведя руки в сторону, — я готов. Ведите! Ведите, ведите! Посмотрим, что скажет добрый сеньор инквизитор, когда выслушает меня и поймет, что я не лгу. Я всё равно попал в лапы зверя, что поделаться мне так и так не жить! А ведь была надежда умереть не зря. Избавить город от напасти...

Вижу, сомнения всё сильнее одолевали «крючков». Неудивительно — я разговаривал не как бродяга. Я разговаривал, как вельможа, попавший в беду.

— Не, да постой ты, эль Кодо! — сказал эль Бичо. — Не будем торопиться! Он уже в наших руках, верно?

— Ну и что?

— А то! Предлагаю разделиться — мы с тобой пойдем за этим бродягой до логова демона. А эль Пинчасо пусть топает за подмогой. Объяснит нашим, что да как!

Подбавим огоньку — затронем приятную тему амбиций.

— Только подумайте, какую награду вы получите, когда поймаете слугу темных сил! Слугу темных сил, а не какого-то там воришку! Золотишко, добрые господа, золотишко! Кучу звонких эскудо! Женам на цацки, себе на новые сапо-

ги...

Эль Кодо почесал в ухе.

— Ох, чую шельму! — сказал он. — Врет он, парни, как есть врёт!

М-да, этот трудный.

— Вы ничем не рискуете! — сказал я. — Да я даже отдам свой пистолет, вот он, пожалуйста! Риск, конечно, все-таки на чудовище иду, но что поделаться-то! Только если вы всё же решите идти за мной, у самой пещеры верните, пожалуйста! Втроем сподручней биться со злодеем! Решайтесь, друзья, ведь город в опасности!

— Проверим, эль Кодо! — сказал эль Бичо.

— Ладно, дай сюда пистолет! — потребовал эль Кодо. — Иди вперед и смотри — не дури мне! Ты, эль Бичо, иди чуть позади, да гляди в оба! Эль Пинчасо — бегом к нам, расскажешь о том, что узнал. Ну, вперед, бродяга! И не вздумай шутить!

Отлично, дело в шляпе. Остальное — техника. На этом этапе срывов никогда не бывало.

«Ну, что скажешь, бог дураков? — мысленно задался я вопросом. — Молчишь?»

Глава 5. «Три мертвых таракана» — это таверна

— Погодите, погодите! — сказал я. — Сумку надо взять, сумку! Чуть не забыли!

— Зачем она тебе? — раздраженно спросил эль Кодо. — На демона идем, а не на пикник! Брось, я сказал!

— Нет, нет, вы что, сеньор эль Кодо! А демон-то тоже кушать хочет! Думаете, чего это он овладел моим разумом? Зачем ему я, человек мелкий, неприметный, боязливый? Зачем, вы подумали? А секрет прост до неприличия — кушать захотелось! Да-да, не удивляйтесь, демоны тоже кушать хотят, и далеко не всегда в их рационе присутствует человечина. Демоны вообще чревоугодники те еще... Заранее прошу прощения за столь святотатственные подробности, но человечина, по мнению нашего врага, в гости к которому мы сейчас и направляемся, мясо грубое и кисловатое на вкус (должно быть от излишка вина, хе-хе...). То ли дело нежная свининка, или там индюшатинка! Поэтому, если тот, чье имя я не стану упоминать, дабы неподобающими звуками не подвергать опасности ваши доблестные натуры, сеньоры, так вот, если он увидит меня без сумки, доверху набитой снедью, сразу неладное заподозрит. Убежит через ворота колдовские, или там еще куда, и пиши пропало!

Не самое складное вранье получается, бывало и лучше, но вкуче с тонким воздействием эмбрухо, а также, прямо скажем, невысокими интеллектуальными способностями горемычных «крючков», вышло очень даже ничего.

Главное, увести их подальше от пивной, от любых случайных глаз и чутких ушей.

— Где твой демон схоронился? — спросил эль Кодо.

— Он не мой, добрый сеньор, типун вам на язык! За тем пляжем, вон в тех зарослях, видите?

Впереди — пустырь, ограниченный с противоположной от моря стороны скалами, за пустырем — бурьян, а дальше темнело ущелье. Местечко дикое и неприветливое — под ногами хрустели чьи-то кости, ветер злобно завывал, и мертвенно-бледная луна отображалась в безжизненных черных водах. То, что надо для старого доброго коварства.

Какой там по счету шаг? Третий, четвертый? Неважно. У него интересное название — мистика.

— Постойте! — сказал я, поднимая руку. — Вы слышите?

Оглянулся — мы ушли далеко. Пришло время для финальной сцены. Я был воодушевлен, я был в своей стихии, поэтому магия сама просилась выплеснуться.

— Нет, — испуганно ответил эль Бичо. — А что такое?

Вместо ответа я согнулся, схватив себя за голову — отвлекающий маневр, чтобы они не увидели, как я тихо-тихо говорю.

— Вы кто такие, смерды? — прогремел дьявольский го-

лос. — Как посмели вы явиться сюда?

Я упал на колени. Весь мой вид свидетельствовал о том, что я испытываю адовы муки. У стражников лица стали бледнее чертовой луны. Остановились и начали озираться с видом крайнего ужаса.

— Предатель, ты привел солдат! — незаметно продолжил я, усиливая шепот заклинанием. — У них в руках оружие! Они пришли убить меня, черного пастыря, заклинателя стихий, владыки бездны! Глупцы! Вы — глупцы, ха-ха-ха!

Эхо здесь хорошее, так что в каком-то смысле сама природа подыгрывала мне. У бедняг натурально затряслись поджилки. Есть от чего — этот фокус на таких вот болванов всегда действовал безотказно.

Для пущего эффекта я заорал что есть мочи:

— Всё пропало, добрые господа! Демон засек нас! Всё пропало!

Теперь от имени «демона»:

— Так умрите же, смерды! Умрите страшной смертью!

Улучшив момент, когда стражники встали ко мне спиной, напряженно высматривая мифического злодея, я посшибал их с помощью ремолино. Изумительно! Покатались кубарем, выронив аркебузу и пику. Не теряя времени, я подбежал к ним, схватил пику и ударил тупым концом в живот и того и другого.

— Ну что, сеньоры стражники, — сказал я, усмехнувшись. — Вот и дошли мы до финала в нашей восхитительной

пьеске под названием «как бог коварства перехитрил трех стражников-недоумков».

Эль Кодо был облачен в симпатичный кожаный колет и почти новые сапоги, кроме аркебузы у него имелся короткий меч в ножнах, пороховница, перчатки. А также черная шляпа с пером. Потрепанная, конечно, но всё же... Непростой парень, этот эль Кодо. Альгвасил? Жезла нет. Зато есть кошель, туго набитый мараведи и эскудо, который я немедленно присвоил. Вряд он заработал эти деньги, наверняка мзду брал, подлец, или горожан обирал.

Короче, всё забрал, и аркебузу с пороховницей тоже. Щеголять с таким громоздким оружием по улицам города я, разумеется, не стану, но охранять укрытие от непрошенных гостей — сгодится.

— Ах ты сволочь... — начал было немного пришедший в себя эль Кодо, пытаясь подняться, но я не дал ему договорить, возложил на его голову ладонь и прошептал в ухо:

— Ты вдруг увидел голую красотку, бегущую вдоль берега, вспылал неземной страстью и побежал за ней, но она лягнула тебя ногой в пах — вот такая оказия с тобой приключилась, понимаешь ли.

Далее настал черед эль Бичо. Его я тоже раздел и обезоружил, а «легенду» ему придумал самую незамысловатую, в соответствии с его умом:

— Ты, эль Бичо, напился вместе со своими товарищами, заснул и ничего не помнишь. Но в одном ты уверен — ни-

какого «демона» не было. Как и голой девицы. У эль Бичо с эль Пинчасо от той гадости, что вы пили, помрачился разум. Видно, пиво было дрянное. И вкус отвратительный.

Я поднялся с колен и приказал обоим:

— А теперь сейчас же возвращайтесь в пивную, да поддайте еще и как следует поддайте! Где вы потеряли оружие и амуницию — не помните.

Занимательное заклинание, это эмбрухо! Сколько забав связано с ним! Сколько олухов с его помощью я облапошил! Сколько интриг, маневров, краж! Полагаю, в данном случае морок будет держаться несколько часов. А вот что будет после... Подозреваю, «добрый сеньор инквизитор», выслушав их бредни (бедолаги еще долго будут путаться и нести ахи-нею), будет ох как зол!

Я постоял еще немного, глядя как незадачливые «крючки» брели, охая от боли — приложил-то я их знатно! — и придерживая друг друга.

— Мне жаль, друзья, — прошептал я. — Не надо было вставать на пути бога коварства. Надеюсь, следователи не сильно исполосуют ваши спины.

Избавившись таким образом от прилипчивых стражников, я, с осознанием хорошо выполненного жульничества, вознамерился закончить то, что начал. Первым делом пику, меч эль Бичо и его поддоспешник я скрыл в густых зарослях.

В этот момент я почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернулся — всё тот же пес. Смотрел на меня с надеждой,

вилая хвостом.

— Ты чего это, дружок? — спросил я, ласково потрепав его. — Небось, жрать хочешь? Ну что ж, пошли, найдем местечко поукромнее, поужинаем вместе. С хорошей компанией еда всегда вкусней кажется, верно я говорю?

Пес в ответ гавкнул и затрусил следом.

* * *

Вскоре я отыскал убежище, отвечавшее всем требованиям: во-первых, скрыто от посторонних глаз в скалах на возвышении, при этом мне оттуда открывался неплохой обзор на всю прилегающую местность; во-вторых, пещера тут всего одна (во всяком случае, других я не нашел), а значит, непрошеного гостя в виде какого-нибудь хищника можно не ждать; в-третьих, укрытие было достаточно просторное, чтобы развести костер, не задохнувшись от дыма.

Первым делом я насобирав хворост для костра и мягких веток для лежанки, поверх которой расстелил рыбацкий плащ.

Затем я вознамерился привести себя в порядок. Надо срочно состричь волосы и бороду. Но перед этим следовало хоть как-то вымыться, смазать раны от плетки надсмотрщика и укусов паразитов ранозаживляющей мазью, усиленной лечебным наговором. Добрый ужин, горячее вино со щепоткой целебных трав, укрепляющая магия и крепкий сон — утром буду как новенький. Отдельно стоит поработать с эс-тигмой — увы, вывести позорную метку дочиста не выйдет,

шрам останется. Моя задача придать ему форму естественного рубца. Это потребует затрат и физической и магической энергии.

Ничего, поколдуем.

Оставив сумку и оружие в пещере, сняв колет, я спустился к морю как был — в рубахе и штанах. Полотенце, мыло, кружка, ножницы — процедуру предстояло провести в суровых условиях, но выбирать не приходится. Побриться решил мясницким ножом — большой, неудобный для такого-то дела, зато острый.

Пес бегал где-то неподалеку, беспокойно потягивая.

Вздрагивая и даже повизгивая, я облился ледяной морской водой, затем, намылившись как следует, полностью соскоблил с головы век невымытые патлы — уж лучше отрастут новые, зато безо всякой гнусной живности, — оставил короткие усы и бородку клинышком.

Так увлекся, что не заметил появление чужака. Им оказался не то монах — грязное рубище на это намекало, — не то обычный нищий. Лица не видно за низко надвинутым капюшоном. Старик как будто возник из пустоты: только что не было никого и вдруг — вот он. Еще подумалось: «а чего он тут делает, в безлюдном месте?»

Опираясь о клюку, странник подошел и дребезжащим голосом сказал:

— Подай милостыню, молодой человек! Умираю с голоду...

— Нет у меня ничего, старый, иди отсюда! — огрызнулся я, недовольный его появлением.

— А ты гляди-ка, что у меня есть! — неожиданно сказал старик и вынул из-за складок своего одеяния потайной фонарь.

Самый обычный фонарь, с кольцом, за которое незнакомец его держал, свет приглушенный, синеватый... В последний момент я обратил внимание на ладонь старика — узловатую, темную, сухую.

Карахо! Такая клешня может принадлежать только мертвецу!

Едва я кинул взгляд на призрачное свечение, как меня неудержимо потянуло в сон. Даже не в сон — я лишился воли. Руки бессильно опустились, я согнулся, не в силах оторваться от проклятого фонаря. Старик между тем откинул капюшон, показав лик мумии. Мумия распахнула пасть, из нее вырвалось такое же синеватое свечение...

Мерзкое зловоние коснулось меня, заставив скрючиться в конвульсиях. Я всем телом подался к чудовищу, в жажде глотнуть тленного смрада.

«Ну всё, — мелькнула где-то в глубине сознания мысль, — приплыли, твою ж мать...»

Спас меня песик. Со злобным рычанием храбрый зверь вцепился в ногу чудовища, заставив того от неожиданности вздрогнуть.

Фонарь выпал и потух, я очнулся и не мешкая принялся

кромсать мясницким ножом ловца душ. Вот не зря взял! Еще подумал — а не слишком ли для туалета? Как бы не пораниться — зеркала-то нет!

Не успокоился, пока не изрезал всего. При этом из чудовища не вытекло ни капли крови.

— Ну, дружок, — сказал я псу, оттирая со лба холодный пот, — я твой должник. Если бы не ты... даже страшно подумать. Бога коварства сожрал бы мертвяк. Беллона смеялась бы до колик в животе, услышь она о такой потрясающей промашке с моей стороны. Не увидеть, но, что самое главное, не почуять, как бродит поблизости ловец душ, этот чертов арребатадóро, это, братец, позор!

Как маг высшей категории, я должен был почувствовать присутствие нежити, должен! Но не почувствовал. Объяснений этому два: либо я слишком ослаб, либо с этим местом что-то не так.

— Давай-ка избавимся от него, — сказал я, на что пес ответил лаем — ему тоже не по себе.

Тут я вспомнил, как пес вел себя — словно гавкал на кого-то. А я и не обратил внимания, дурень. Надо бы взять пса с собой — звери лучшие индикаторы потусторонней силы. Унюхают любую ходячую пададь мгновенно.

Вернулся за мечом, отрубил ловцу голову, останки оттащил подальше и бросил в яму, присыпав палой листвой и камнями, голову забросил в море.

Эль Арребатадорас, друзья, это люди, умершие вслед-

ствие нечестивых обрядов, не нашедшие упокоения и ставшие, говоря по-научному *immórtui* — нежитью. Конечно, не каждый иммортуй становится ловцом, такое может быть при определенных условиях. Словом, мерзкие твари, еще чуть-чуть — утащил бы в свою берлогу и поминай, как звали! Потихоньку посасывал бы из меня кровь, поганец.

Фонарь был наполнен скверной. Причем самой гнусной — запах еще долго мерещился. Фу, чуть нутро наизнанку не вывернулось! С такой штукой мне точно не по пути, поэтому предмет последовал за головой владельца.

— М-да, тут надо быть предельно внимательным, — сказал я, еще разок умывшись, на этот раз водой из родника поблизости. — Опасность поджидает на каждом углу. А пока живем, дружок! Пошли, перекусим и ляжем отдохнуть. Утро вечера мудренее...

* * *

Как бы то ни было, утром я проснулся посвежевшим и полным сил.

Естественно, встреча с ловцом послужила неплохим уроком — я принял меры безопасности, поставил на входе *scútum* — магический щит. Пса пришлось привязать на ночь, иначе его разорвало бы, вздумай он выйти наружу.

Итак, наступило время новых приключений! Эсклаво Пабло исчез окончательно, вместо него теперь — обедневший, но полный достоинства идалго. Пусть будет дон Пабло. Для верности я отодрал с колета и перчаток все, что могло на-

мекать на городскую стражу, поработал со шляпой, немного изменив форму, убрал перо.

Вы спросите, что же я сделал с эстигмой? Лечебная мазь палача, плюс некоторые особые заклинания вкупе со здоровым сном совершили чудо, оставив всего-то крошечный надрез, который, как мне кажется, только придавал мужественности и благородства моему новому облику.

Дополнили образ пистолет, кинжал и короткий меч. Остальное, включая аркебузу, мясницкий нож и артефакт кузена Хуана, почерневший еще пуще прежнего, я оставил в пещере. Чтобы туда никто не залез, я опять наколдовал скутум и вход замаскировал ветками. Не собираюсь сюда возвращаться, но кто его знает? Всегда надо иметь в запасе уголок, где можно спрятаться на крайний случай.

Чем следует заняться в первую очередь? Исследованием. Понаблюдаю, под вечер сяду в какой-нибудь таверне, послушаю, какие тут ходят слухи, чем живет народ. А затем, когда придет ночь, как и собирался, пройдуся по домам местной знати.

Я всегда говорил: накопительство — грех. Нужно делиться с ближними!

Путь мой далек и непрост, нужен капитал, нужно хорошее обмундирование и оружие, не помешает приобрести кое-какие ингредиенты для моих фирменных зелий и порошков, если найдутся глифы, перстни, печати, амулеты или артефакты — сгодятся и они. В идеале — необходимо обзаве-

стись связями и надежными друзьями, спутниками для рискованных операций, комнатой для отдыха, где непременно должен находиться сундук, куда можно сложить добро.

Перечень длинный, работы предстоит много, так что не стоит прохлаждаться.

* * *

Всегда удивлялся, как смена гардероба меняет к тебе отношение. Колет, шляпа, добрый меч, хорошие манеры — и перед тобой открываются двери, прежде закрытые. А также слепнут глаза, прежде видящие.

Беспечность — наш главный недостаток, друзья.

Вот почему, скажите на милость, человек считается хищником? Хищники всегда настороже, тщательно избегают опасностей, они ищут, высматривают, подстерегают, бьют наверняка. А что люди? Большинство не видят дальше своего носа. Большинство доверчивы, как котята. Тупы, как индюки.

Ладно, я отвлекся. Захотелось чуток пофилософствовать, обстановка, знаете ли, располагает.

Целый день я убил, осматривая Конгохас. Сразу скажу — восхищаться тут совершенно нечем. Дыра дырой, в которой под слоем грязи и убожества скрывается множество тайн, пороков и кошмаров.

Что удалось выяснить?

Как ни странно, тут имелась обсерватория, в народе именуемая просто — эль Колосо, где вроде как обитал чудако-

ватый маг-астролог (сразу стало любопытно — он тут зачем? откуда взялся?). Отдаленно напоминала башню, принадлежащую моему приятелю Алехандро, богу наук. Так как полный титул старины Санчо звучал до безобразия вычурно и сложно, меж собой мы его называли *el sabio loco*, а его убежище — *La Casa del Astrologo*. Санчо не обижался, он сам говорил, что любой истинный ученый безумен по определению.

Разумеется, есть храм, официально чтящий Люкс Деус, но выглядящий так, словно там чествовали Ересиарха. Там гнездилась инквизиторская администрация, за которой закрепились дурная слава стяжателей, мздоимцев и извергов. Присутствовал квартал, где обосновалась элита — работор-говцы, каперы, купцы, дельцы, дворяне.

Что касается главного строения — мрачного замка в центре города — эта тема под запретом. Я сразу это понял. И не пришлось никого расспрашивать — видно, что местные стараются не смотреть в ту сторону, не упоминать в разговорах. Если и приходила нужда как-то означить сие загадочное местечко, то люди ограничивались непримечательным *El Templo*.

Хм... как ни крути, но мне точно туда. Если и есть переход наверх, либо еще какой-нибудь мир, он находится именно там. Нутром чую.

Также поговаривали о катакомбах, где обитали *los marginados* — отщепенцы, убийцы, воры и прочий сброд.

В основном так. Не стану рассказывать о замках лордов города; о местах, где кроме лиходеев и пиратов можно встретить чуть ли не заклинателей огня, а то и кого похуже; о специфической зубастой фауне, заселяющей малолюдные места, как те же катакомбы или кладбище, превратившееся в рассадник нечистой силы. Пока информации хватит.

Под занавес дня я зашел в таверну с любопытным названием «Три мертвых таракана», вопреки вывеске, самую приличную на мой взгляд, заказал бараньих ребрышек, винца и стал прислушиваться к разговорам, наблюдая за улицей.

Некоторое время, кроме стандартных историй о том, кого выловили в канаве с перерезанным горлом, кого повесили, отправили на галеры, правда ли, что астролог окончательно сошел с ума, а король нищих (люди именно так и говорили: El Rey de los Mendigos) поклялся убить главного инквизитора, и почему нынче цены на продукты так высоки, я услышал и кое-что интересное.

— Всё произошедшее, — убежденно доказывал собутыльникам один товарищ, — говорит об одном: в городе новый посланец темного, да простит меня Люминозо, бог-светоч!

— Ты о случае в порту? — спросили его. — Нашел чему удивляться. Запомни — любая цепь рано или поздно рвется.

— Нет, это неспроста...

Зашла беседа и о палаче. Но тут слухи были один фантастичнее другого, приводить примеры не стану, уж извините.

Кто-то упомянул о трех внезапно обезумевших стражниках. Якобы есть свидетели, видевшие, как их околдовал крылатый упырь, якобы есть свидетели, что клянутся, будто воочию наблюдали, как их душами лакомился эль Арребатадо-ро и так далее.

Нашелся скептик, закономерно обвинивший этих незадачливых «крючков» в злоупотреблении горячительными напитками и все их нелепые байки списавший на губительное воздействие того дешевого пойла, метко называемого «драчливым вином», *vino peleon*, в которое хозяева прибрежных притонов неизвестно что подмешивают. Этим скептиком оказался я и мое замечание нашло немалый отклик в сердцах и сподвигло на невеселые размышления, как-то: «дожили...», «куда мы катимся?», «что будет дальше?», и так далее.

Что ж, картина более-менее сложилась. Одного не пойму — почему народ упорно обходит стороной всё, что связано с эль Темпло? Кто-то единожды обмолвился, что там обитает дева, и то, ему сразу заткнули рот. Дескать, не буди лихо, пока оно тихо.

Да-да, друзья, дева. Я хорошо расслышал. И больше ничего. Подозреваю, речь идет не о девственнице, либо чистой помыслами принцессе.

Кроме того, народ частенько упоминал некоего темного, *tenebroso*. О каком таком темном идет речь? О Ересиархе, что, кроме того, зовется Царем Тьмы или же Сог

Tenebragum? Что-то мне подсказывает — нет.

Тут мои размышления прервал некий кабальеро, с виду — наемник. Короткая стрижка, шрам, из-за которого он потерял глаз, в ухе красовалась серьга. С виду ему можно было дать лет пятьдесят. Держался сей господин уверенно и даже чуть нагло на мой предвзятый взгляд.

— Приветствую тебя, приятель! — сказал он, бесцеремонно хлопнув меня по плечу. — Что-то я твою физиономию не припомню.

Я взглянул на него. А видок-то у мужика хитрый! Нет, это отнюдь не головорез, но и не законопослушный обыватель. Надо бы с ним поосторожнее.

— Мы не знакомы, — сказал я. — Такого, как вы, милостивый сеньор, я бы сразу запомнил.

— Это комплимент или что-то иное?

— Констатация факта, — сухо ответил я.

— Ну так давай познакомимся!

— Зачем?

Вопрос сбил незнакомца с толку.

— Как зачем?

— А вот так — какой мне от этого прок, кроме неприятностей?

Незнакомец задумался, затем усмехнулся и еще разок хлопнул меня по плечу. Вы знаете, я хоть и вышел из низов, но эдакая фамильярность мне не по нутру. Воспитанность — непременный атрибут бога коварства.

— Вот, сразу видно делового человека, — сказал незнакомец. — Поэтому, вопреки всему, представляюсь. Мое имя — Вадим. Мастер Вадим. Меня тут все знают.

— Зовите меня дон Пабло.

Ни к чему раскрывать настоящее имя. Кто его знает, может Аркадио у них тут считается кем-то вроде злого духа.

— Послушай меня, дон Пабло, — продолжил Вадим. — У меня глаз наметанный. Меня не обманешь. Понимаешь, о чем я?

— Нет.

— Да всё ты прекрасно понимаешь, Пабло!

— Послушайте, сеньор Вадим, будьте так добры избавить меня от своего присутствия.

— Вот как? Не слишком ли ты крут с потенциальным другом и работодателем? — И не тратя времени на расспросы, «мастер Вадим» неожиданно принялся откровенничать: — Вот что я тебе скажу, Паблито. В профессии я, можно сказать, с пеленок. Помнится, когда был от горшка два вершка, нанялся в услужение к одному слепцу, имени которого не вспомню, да это и неважно. Главное, слепец тот был поразительным скрягой! Не иначе. Он прямо-таки жаждал уморить меня (да и себя самого!) голодом. Полагаю, вот тогда я — беспризорный сирота — и осознал простую истину: ежели я что-то не предприму, не миновать мне смерти. Поэтому я начал потихоньку воровать у слепца провиант, несмотря на то что он в буквальном смысле сидел на нем, а также

пить вино из бурдюка, который старый негодник неизменно вешал себе на плечо. Знаешь, как?

— Посредством соломинки, тайком сунутой в горлышко,
— ответил я. — Это известная легенда.

— И я узнал о ней, когда вырос, представляешь, Паблито? Узнал и поразился — а не обо мне ли часом и была сложена та легенда?

Я смерил назойливого «мастера Вадима» надменным взглядом. Оппонент выдержал с завидным спокойствием. Его лукавый прищур говорил мне: «ну, ты выдал себя, дружище! Кому, как не членам воровской гильдии известна эта сказка о ловком мальчишке?»

— Вы слишком молоды для этого, поверьте, — ответил я. Сия легенда есть не что иное, как мерзкий пасквиль, сочиненный неким лицензиатом, по прискорбию обитавшем в том мире, где я родился. Называлось то сочинение «Аркадиньо из Торремуэртос», и означенная «башня мертвецов» — название злочного квартала, где я в свое время был вынужден выживать, питаюсь помоями. Не люблю вспоминать о том горьком периоде моей жизни, но вот в чем штука — вопреки мне проклятое сочинение, где всё враки до последнего слова, стало эдакой святыней в мире воров.

Если ты не знаком с нею — в гильдию тебя не примут. Не читал, не слышал пересказ от кого-нибудь, не чтишь, не знаком с бесчисленными пасакалями, вильясико и хакаро, что распеваются всеми, кому не лень — не вор, не эль гато.

— Хочешь сказать, в моем отрочестве не было скрытого от моих глаз летописца, живописавшего мои подвиги и страдания? — поинтересовался мастер Вадим.

Еще один намек. Полагаю, на эту зашифрованную реплику следовало ответить что-то вроде: «жизнь — вот кто является нашим летописцем, ибо каждый из нас начинал путь сизмальства, как и полагается настоящему ладрон онорабле».

В общем, тип являлся представителем многоуважаемой и благородной гильдии воров. Причем, занимал в ней не последнюю роль — сразу меня раскусил. Не знаю, стоит ли иметь с ними дело, подержусь-ка пока в стороне, присмотрюсь. Я уже несколько раз тут обжегся. Если надо — сам его найду.

— Еще раз повторяю, сеньор, оставьте меня в покое, — сказал я.

— Хорошо, Паблито. Тем не менее, скажу то, чего хотел изначально: ежели будет нужна помощь, трактирщик — а он наш парень! — всегда подскажет, где меня найти. У меня глаз наметанный, Паблито, ежели тебя действительно так зовут. Меня не обманешь. Я многое вижу. И сейчас я вижу — ты из нашего цеха. Наш ты парнишка, Пабло, наш!

Я не ответил. Меня привлекло другое. По улице с грохотом пролетела карета без верха, запряженная вороной тройкой, в которой сидела женщина в красном. Красивая рыжеволосая женщина. Даже слишком красивая, особенно для такого убогого городишки. Женщина звонко смеялась, при-

держивая шляпку, ее кавалер что-то увлеченно ей рассказывал.

— Кто она такая? — нарочито равнодушно спросил я, но Вадим мигом разгадал мой интерес:

— О нет, парень, даже не думай!

— Я просто спросил, кто это.

Вадим наклонился ко мне и прошептал заговорщицким голосом:

— Послушай меня внимательно, Пабло, или как там тебя на самом деле зовут. У нас, эль гатос, есть одно незыблемое правило — ни за что и никогда, и ни под каким предлогом не лезть во владения сеньориты Марго. Ни коим образом не касаться этой чертовой ведьмы, если тебе дорога жизнь. Понял, нет?

Ни за что и никогда, значит? Ни коим образом? Такие слова богу коварства говорить нельзя.

Вызов принят.

— Прошу вас, мастер Вадим, — подчеркнуто холодно сказал я, — оставьте меня в покое, дайте мне насладиться чудесны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.